

НИКОЛАЙ

ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

ПОЛИЦЕЙСКИЙ

ЗВЕЗДОПАД

20 ЛЕТ
ВМЕСТЕ
С ВАМИ

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 1993 ГОДУ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Полицейский звездопад (сборник)

«ЭКСМО»

2013

Леонов Н. И.

Полицейский звездопад (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2013 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-67768-9

В провинциальном городке Залежинске объявилась банда «черных риелторов», совершающих чудовищные по своей жестокости преступления. Сначала бандиты вынуждают одиноких пенсионеров за бесценок продавать свои квартиры, а затем грабят и убивают беззащитных стариков. В результате у «черных риелторов» остаются и недвижимость, и деньги. Руководит преступниками не кто иной, как начальник местного УВД, и потому убийство следует за убийством, и нет конца и краю этому беспределу. Правозащитники городка в отчаянье обращаются за помощью в Москву. Дело поручают первоклассным следователям Гурову и Крячко, и они немедленно выезжают в Залежинск...

ISBN 978-5-699-67768-9

© Леонов Н. И., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Полицейский звездопад!	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	42
Глава 10	48
Глава 11	53
Глава 12	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Николай Леонов, Алексей Макеев

Полицейский звездопад

Полицейский звездопад!

Глава 1

– Ну все, мы с вами в расчете, – сказала Настя, пряча деньги в сумочку. – Вы последний документ, тот, что я вам давала, подписали?

– Да, все подписал, – подтвердил Павел Петрович.

– Вот и хорошо. А с квартирой как – освободили?

– Нет еще, – признался он. – Но там такие люди хорошие оказались: согласились, чтобы я свое барахло еще три дня мог собирать. Так что завтра буду собираться, а послезавтра наметил переезжать.

– Ну вот и отлично, – улыбнулась ему Настя, блеснув ровными рядами зубов. – Значит, вам теперь и беспокоиться не о чем. Кладите денежки в банк и получайте проценты. Будет вам к пенсии прибавка.

– Да, прибавка хорошая получается, – согласился Павел Петрович.

Эту тему он за последний месяц обсуждал несчетное число раз – и с Настей, и с другим риелтором, Григорием Евгеньичем, и с соседями по подъезду. И все равно говорить об этом ему не надоедало – было приятно считать, сколько он будет получать со своего вклада и какая получится сумма, если эти деньги прибавить к пенсии. Сумма выходила очень даже неплохая. Можно было купить новые зимние ботинки – прежние уже совсем износились. Или, как предлагал Григорий Евгеньич, приобрести путевку в какой-нибудь недорогой пансионат. Павел Петрович за всю свою жизнь никогда не был в пансионатах – так уж сложилось. А вот теперь можно и попробовать. Или же съездить в гости к шурина, в деревню. Пока была жива Вера, жена Павла Петровича, они туда ездили каждый год. А после смерти жены – она скончалась два года назад от рака – он никуда не выезжал. Хотя шурина Николай звонил несколько раз, звал, Павлу Петровичу неловко было ехать с теми жалкими деньгами, которые он получал. Вроде как на хлебном приехал. А теперь можно будет и гостинцев детишкам привезти, и продуктов. В общем, возможностей много открывалось.

– Прямо завтра и отнесу в сберкассу, – сказал Павел Петрович. – Сегодня не успею, наверное, уже поздно.

– И ничего не поздно, – сказала на это Настя. – Еще два часа до закрытия. Если хотите, я вас на машине подброшу.

– Нет, спасибо, не надо, – отказался Павел Петрович. Даже шаг в сторону сделал. А то эта Настя – такая девушка бойкая, просто огонь, утащит его с собой, заставит все деньги на счет положить. Дело, конечно, правильное. Но зачем спешить? Павел Петрович спешить не любил. Характер у него был такой – неспешный, даже медлительный. – Спасибо, не надо на машине. Я пешочком пройдуся.

– Ладно, ступайте пешочком, – согласилась Настя. – А я поехала. Ну, счастливо вам!

И она, помахав на прощание Павлу Петровичу рукой, исчезла в дверях расчетного зала.

Когда девушка ушла, Павел Петрович даже вздохнул с облегчением. Нет, уж слишком эта молодежь энергичная, ему за ней не поспеть. Ведь и месяца не прошло, как эта Настя, а затем и Григорий Евгеньич с ним познакомились. И как они умудрились за такой короткий срок все это прокрутить? Просто уму непостижимо. И его уговорили (а ведь он человек медлительный,

на подъем тяжелый), и вариант подходящий нашли, и покупателя на его трехкомнатную... И все документы оформили, и сделку совершили. Просто гонки какие-то.

Ну, теперь все. С гонками покончено. С радостным ощущением, что он больше не должен никуда спешить и ничего делать, Павел Петрович вышел из здания регистрационной палаты. На обширном крыльце учреждения, как всегда, толпился народ – шелестели бумагами, обсуждали свои сделки. «Вот, им еще суетиться надо, а у меня все уже позади», – подумал Павел Петрович, и его настроение еще больше улучшилось.

– А, смотрю, и ты тоже уже отмучился! – услышал он голос, который показался ему знакомым.

Обернувшись, Павел Петрович увидел человека, с которым час назад познакомился в очереди. Так получилось, что они стояли друг за другом сначала в одно, а затем в другое окно, и за время этого стояния успели познакомиться и поговорить. Человека этого звали Костей, и он, как оказалось, совершал такую же сделку, как и Павел Петрович, – продавал трехкомнатную квартиру в центре и покупал однокомнатную на окраине. И судьбы у них были вроде схожи (насколько успели выяснить за время стояния в очереди), и характеры. Единственное отличие – Костя был человеком более общительным, чем Павел Петрович, более легким. И это Павлу Петровичу понравилось: себя он считал человеком довольно мрачным, а Костя внушал симпатию. Так что Павел Петрович обрадовался, увидев соседа по очереди.

– Да, все дела закончил! – ответил он. – Меня, правда, моя риелторша уговаривала еще и деньги в банк сегодня положить, даже подвезти предлагала, но я отказался. Зачем спешить?

– И то верно, – согласился Костя. – Такое событие сперва отметить надо. Ты как к такому предложению относишься?

– Очень даже положительно отношусь, – сказал Павел Петрович. – А где?

– Я тут неподалеку одну рюмочную знаю. Очень приличное место, вон в той стороне. Или тебе туда не по дороге?

– Нет, мне как раз по дороге, – заявил Павел Петрович. – Мне на остановку «одиннадцатого» трамвая надо, а это как раз там. Так что давай показывай, где твоя приличная рюмочная.

– Сейчас, но сначала нам обоим одну вещь надо сделать. Деньги-то у нас с тобой крупными, верно? А доставать их при всех не стоит, хотя там и приличное место. Надо нам по одной банкноте разменять. Это прямо вот здесь можно сделать, в палате.

– Нет, не надо ничего менять, – ответил Павел Петрович. – Я с этой расплачивался – ну, которая квартиру подыскивала...

– Риелтор, – подсказал Костя.

– Вот, верно, Настя ее зовут, – кивнул Павел Петрович. – Я с ней расплачивался, деньги и разменял.

– Ты тогда это... крупные-то спрячь поглубже, – посоветовал новый знакомый. – А мелочь наверх положи. Чтобы не спутать.

Павел Петрович последовал хорошему совету. Пачки с пятитысячными бумажками положил во внутренний карман пальто (еще мелькнула мысль: «Правильно квартиру осенью продавать, когда в пальто люди ходят, а то куда деньги-то класть?»), а кошелек с пятисоткой и разной мелочью оставил в наружном. И они двинулись к рюмочной.

По дороге разговор зашел о только что проданных квартирах. И что Павлу Петровичу в новом знакомом понравилось – он о его сделке ничего не спрашивал: ни какая площадь, ни сколько денег получил. А вместо этого все рассказал о своей «трешке». И по рассказу получилось, что Костя свою квартиру продал не так выгодно, тысяч на триста меньше получил. Выходило, что Настя не зря свои деньги взяла: нашла Павлу Петровичу выгодного покупателя.

Поговорили и о планах – кто как деньги собирается использовать. Павел Петрович рассказал и о своем намерении съездить к шурину, и о планах купить ботинки и новую куртку, и о совете приобрести путевку в пансионат. Костя все эти идеи одобрил и сказал о своей мечте:

он давно хотел купить лодку. У него всю жизнь была старая «гулянка», он на ней все закоулки на Волге облазил. Но потом, когда начался весь этот беспредел с ценами, все эти реформы, лодку пришлось продать – никаких денег не хватало содержать эту махину. И с тех пор он мог ловить только с берега, и в основном – на удочку. А удочку Костя не уважал, считал делом несерьезным. И вот теперь он собирался купить маленькую надувную лодку с мотором.

– У соседа на даче такая есть, – рассказывал Костя. – Он ее на тележку положит, сам впряжется – и легко до Волги довезет. А там надувает – и готово! Плыви куда хочешь! Хочешь – удочкой лови, а хочешь – сетью.

За этими разговорами они и не заметили, как дошли до рюмочной. Подвальчик оказался маленький, но действительно теплый, чистый, никакая пьянь по углам не валялась. Павел Петрович не то что бы сильно осуждал людей, склонных к неумеренному потреблению (кто не без греха? как говорится, одна снежинка – еще не снег), но относился к ним с некоторым презрением. Сам он меру всегда знал и соблюдал. И из подобных заведений (а он с ними был хорошо знаком) всегда уходил на собственных ногах, помощь не требовалась.

Посоветовавшись, приятели отвергли как водку, так и портвейн – уж больно крепко – и остановились на пиве. К нему взяли орешков, сухариков, кальмаров – в общем, все, как полагается. Немного поспорили, кто расплачиваться будет. Решили, что в первый раз Костя, раз он приглашает, а потом Павел Петрович.

Отошли в угол, сели за отдельный столик. И потек неспешный мужской разговор, в котором собеседники выказывают взаимное уважение, и сами успевают слово сказать, и другого выслушать. Поговорили и о рыбалке, в которой Костя был большой знаток, а Павел Петрович – любитель, и о бабах (у Кости, как выяснилось, жена была еще жива и сильно ему докучала), и о многом другом. За первой парой кружек последовала вторая, потом третья... В общем, когда Павел Петрович решил в первый раз взглянуть на часы, оказалось, что они уже три часа просидели.

Тут он решил, что пора, пожалуй, и домой двигаться. Тем более что через два часа должен был начаться по телевизору сериал, который Павел Петрович никогда не пропускал. Он так новому другу Косте и сказал – что хорошенького, мол, понемножку. И тот – вот молодец! – не стал уговаривать, приставать, чтобы они пропустили еще пару кружек. И даже предложил проводить Павла Петровича до остановки.

– До твоей остановки как раз мимо ментовки идти надо, – напомнил он. – А они там всегда стоят, высматривают. Если заметят, что ты выпил, обязательно сцапают. Начнут деньги трясти, а у тебя в кармане их вон сколько. Тебе сейчас к ментам никак попадать нельзя. Я тут одну дорожку знаю, между домами, – как раз к остановке выводит.

Предложение было разумное, аргументы серьезные, и Павел Петрович не стал отказываться. Вышли из рюмочной. При этом Павел Петрович отметил, что ступеньки стали словно бы круче, а дорожка наверху – вся наискосок, из чего он заключил, что мужской разговор за пивом был закончен как раз вовремя. А то еще пара кружек – и на ногах не удержишься.

Пока что он на ногах вполне держался, и вслед за Костей свернул с улицы в боковой проезд, прошел через двор пятиэтажки, потом через другой... За вторым двором пошли гаражи. Место действительно оказалось глухое, даже странно, что такое имелось в центре города.

Все так же следуя между гаражами, они свернули раз, другой. Впереди показалась какая-то стройка: кран стоял, кирпичи сложенные, и два этажа уже выведены. К стройке вела канава, до краев полная водой. Как видно, выкопали еще в сухое время – коммуникации подводить, да не успели.

И там, возле канавы, стояли два каких-то мужика, вид которых Павлу Петровичу сразу не понравился. Он даже сошел с тропки, пошел правее, чтобы подальше от них пройти. Тут друг Костя, словно почуяв его тревогу, шепнул: «Я тут всех знаю, вперед пойду». И действительно, пошел впереди, даже вроде кивнул этим мужикам, и те ему кивнули. Это немного успокоило

Павла Петровича, и он уверенно двинулся вслед за Костей. Впереди уже показался конец гаражей и огни, послышался знакомый звонок трамвая.

Вдруг сзади раздался звук чьих-то торопящихся шагов. И не успел Павел Петрович испугаться, как в голове у него словно что-то взорвалось, и он полетел на землю. Постарался поскорее встать, но чужие крепкие руки схватили его и не дали, а вместо этого потащили куда-то.

– Вы чего? Куда? – вскрикнул он и хотел позвать Костю, но не успел: впереди оказалась та самая канава, и грубая рука, схватив его за волосы, окунула его с головой в воду.

Павел Петрович забился, стараясь вырваться, освободить голову, вдохнуть хоть глоток воздуха, но его держали крепко. Он еще раз рванулся, но больше не мог сдерживаться, не дышать, – и вдохнул ледяную грязную воду. После чего обмяк и свесился в канаву.

– Все, готов, – сказал один из державших старика.

Они вытащили тело из воды, перевернули.

– Где? – спросил тот же.

– В пальто, во внутреннем кармане, – ответил человек, который называл себя Костей.

Убийца расстегнул пуговицу, залез в карман и вытащил все три пачки. Второй тоже не терял времени – залез во внешний карман и достал кошелек и ключи.

– А ну, положи обратно! – негромко, но яростно приказал первый. – Все положи! И без команды не трогай! – Он застегнул пуговицу на пальто старика, снова перевернул его лицом вниз, сунул головой в воду и скомандовал: – Все, уходим!

Все трое быстро скрылись в темноте.

Глава 2

Каждый раз, когда генерал Орлов вызывал полковника Гурова к себе, тот внутренне напрягался и ожидал какой-то неприятности. Не раз вызовы к Орлову заканчивались тем, что Гуров получал сложные, трудновыполнимые задания. Бывало и так, что генерал отзывал Гурова из отпуска или не давал куда-нибудь поехать с женой.

Поэтому и в этот октябрьский день, получив вызов к генералу, Гуров не ждал ничего хорошего.

Когда он вошел в кабинет Орлова, генерал пригласил его сесть, сам уселся напротив и сказал:

– Ты знаешь, Лев Иванов, я не люблю ходить вокруг да около. Поэтому скажу тебе сразу: я тебя вызвал, чтобы поручить одно весьма ответственное и важное дело.

– Я так и думал, – кивнул Гуров.

– Вот и хорошо, что ты готов, – обрадовался хозяин кабинета. – Тогда слушай, в чем дело. Ко мне обратился мой старый сослуживец Андрей Васильевич Соболев. Когда-то мы вместе с ним проходили службу в управлении внутренних дел в Иркутске. И не просто проходили службу, но и дружили. И жены наши дружили. Ходили друг к другу в гости, вместе ездили на Байкал... Позже меня забрали в Москву, а его перевели на более высокую должность в Поволжье, в город Залезинск. Там он и закончил службу. Но работать не перестал: тамошняя областная дума избрала его уполномоченным по правам человека. И он уже третий год принимает ходатайства, проверяет состояние мест заключения – в общем, защищает права граждан.

– И о чем же вас просил ваш старый друг? Нужно кого-то защитить от притеснений?

– Нет, тут дело серьезнее. Андрей просит меня проверить поступивший к нему сигнал. А сигнал этот о том, что в Залезинске уже несколько лет действует банда убийц.

– Банда убийц – это, конечно, серьезное дело, – согласился Гуров. – Только зачем я тут понадобился? У них ведь и собственная полиция имеется.

– Имеется, конечно, но вся закавыка в том, что эта полиция полностью находится под контролем бандитов. И не только полиция, но и прокуратура, и следственные органы. По крайней мере, так утверждают люди, которые обратились к Андрею. Поэтому преступления, совершенные бандой, не расследуются, уголовные дела не возбуждаются, а на родственников, если они пробуют протестовать, оказывают сильное давление.

– Вот оно как... – протянул Гуров. Он понял, что дело, которое ему хотят поручить, будет одним из самых сложных за всю его долгую карьеру. – Что ж, если дело обстоит таким образом, давайте, товарищ генерал, расскажите все с самого начала, чтобы я смог составить собственное представление.

– Хорошо, – кивнул Орлов, – слушай. Несколько дней назад к Андрею на прием пришли два человека. Одного из них он хорошо знал, и его появление не доставило ему никакой радости, второй был незнаком. Тот, кого он знал, – это известный в Залезинске юрист, правозащитник Александр Новиков. Андрей мне его охарактеризовал как человека взбалмошного, немного не от мира сего. Помешан на разоблачении коррупции в полиции и органах власти. Постоянно носится с какими-то обиженными бродягами, мигрантами, заключенными. В общем, человек крайне неудобный и даже неприятный. Хотя, как Андрей признал, иногда сигналы этого Новикова подтверждались. Например, по его требованию был уволен начальник одной из тамошних колоний.

– А кто второй?

– Второй – простой крестьянин из отдаленного района. Тишкин его фамилия. Этот Тишкин пришел к правозащитнику Новикову с жалобой на местную полицию. По словам крестья-

нина, полицейские, а также прокуратура не хотят возбуждать уголовное дело по факту смерти его зятя, некоего Павла Скобликова.

– То есть этот Скобликов был женат на дочери Тишкина? – уточнил Гуров.

– Нет, не на дочери, а на сестре, – поправил его Орлов. – Сестра эта несколько лет назад умерла, и отношения между зятем и шурином еле теплились. Но все же они иногда перезванивались, и Тишкин, человек гостеприимный, не раз звал зятя в гости. Надо сказать, что Скобликов пять лет назад вышел на пенсию, подрабатывать не пытался, увлечений особых у него не было – разве что выпить любил. И вот две недели назад Тишкин в очередной раз позвонил зятю – и не смог дозвониться. Сотовый не отвечал, а по домашнему телефону Тишкину сказали, что Скобликов здесь больше не живет, трубку повесили и больше не брали. Тогда Тишкин поехал в город и явился в квартиру зятя. Ему открыла какая-то женщина, которая сообщила, что Павел Скобликов продал квартиру им. А куда сам переехал, она не знает. Тут Тишкин разглядел за спиной женщины знакомый шкаф и спросил – как же так, дескать, почему зять, если он переехал, мебель с собой не забрал? На что женщина ответила, что Скобликов продал им квартиру вместе с мебелью, и закрыла дверь.

Шурин отправился в адресное бюро, попробовал отыскать новое место жительства своего зятя. Однако и там его ждало разочарование – Скобликов Павел Петрович в адресном бюро вовсе не значился. Это означало, как Тишкину объяснила служащая, что его зять со старого места выписался, а по новому адресу не зарегистрировался.

Сотовый телефон по-прежнему не отвечал. То есть все возможности отыскать зятя Тишкин исчерпал. Однако крестьянин оказался человеком упорным. Он отправился в районный отдел полиции – по старому месту жительства зятя – и попытался подать заявление о его пропаже. Но в отделе заявление у него не приняли, ответив, что у них нет достаточных доказательств того, что Скобликов исчез. И тут какой-то человек, стоявший в очереди, посоветовал Тишкину обратиться к правозащитнику Новикову.

Новиков отнесся к сообщению Тишкина очень внимательно и включился в поиски пропавшего Скобликова весьма энергично. Прежде всего он установил адрес квартиры, приобретенной исчезнувшим зятем. И тут выяснилась удивительная вещь: оказалось, что в тот же день, когда пенсионер Скобликов продал свою трехкомнатную и приобрел «однушку» на окраине, он выписал на эту «однушку» генеральную доверенность на имя некоего Валерия Поповкина. А Поповкин тут же продал квартиру, и теперь в ней жила семья с двумя детьми.

Это сообщение насторожило Новикова, и он занялся поисками пропавшего пенсионера еще энергичнее. Используя свои многочисленные знакомства в правоохранительных органах, наконец выяснил, где находится Павел Скобликов.

– На кладбище? – предположил Гуров.

– Угадал, – ответил Орлов. – Был похоронен 5 октября за счет городского бюджета, как лицо, не имеющее родственников и средств на погребение.

– Пятого октября... То есть спустя несколько дней после продажи квартиры. Убит?

– Нет, тут ты не угадал. В документах значилось, что причиной смерти пенсионера стал несчастный случай. Тело Скобликова обнаружили утром на стройплощадке, которая находится неподалеку от тамошней регистрационной палаты. Пенсионер лежал в канаве, до краев наполненной водой. Он попросту утонул. В кармане у пенсионера лежал кошелек, в нем две сотни рублей, на руке были часы, то есть на ограбление не похоже. В крови у Скобликова обнаружили значительное содержание алкоголя. Картина случившегося была предельно ясна, и дело возбуждать не стали. Только сделали представление руководству фирмы, проводившей строительные работы, за отсутствие ограждения на стройплощадке.

– Хорошо, пусть несчастный случай, – согласился Гуров. – А как же основные деньги? Ведь у него при себе должна была находиться большая сумма.

– Никаких больших денег при нем не оказалось, – сообщил Орлов. – Дознаватель, проводивший проверку обстоятельств смерти Скобликова, выяснил, что в тот вечер пенсионер несколько часов пил пиво в расположенной неподалеку рюмочной. Причем не один, а с приятелем.

– То есть деньги мог похитить этот приятель?

– Мог и приятель, а могли украсть и неизвестные, обнаружившие мертвого старика еще ночью. Наконец он мог их просто потерять – ведь Скобликов был сильно пьян. В общем, в полиции отказались продолжать расследование, и дело открывать не стали.

– А как насчет этого человека, которому покойный сделал генеральную доверенность?

– Никак, – развел руками Орлов. – Нет такого человека по фамилии Поповкин. В городе Залежинске он не зарегистрирован.

– Да, интересный случай... – задумчиво произнес Гуров. – Человек продает квартиру, другую, купленную взамен, тут же дарит неизвестно кому, спустя несколько часов тонет на ровном месте, а деньги исчезают.

– Именно так и выглядела вся эта картина, когда юрист Новиков установил все факты, – сказал генерал. – Точнее, не все, а только самые главные. И вот что интересно: проникнуть хоть немного глубже, узнать какие-то подробности не удалось даже правозащитнику, несмотря на все его знакомства.

– И тогда он отправился к вашему бывшему сослуживцу, а ныне защитнику прав человека? – уточнил Гуров.

– Нет, не тогда, – покачал головой Орлов. – Он не сразу к Андрею отправился. Сначала Новиков попытался выяснить, не было ли в Залежинске раньше подобных случаев.

– И что – установил?

– Представь себе, установил. Не официальным путем, конечно, как я понял из рассказа Андрея, у этого юриста есть свои информаторы в разных правоохранительных структурах. И с их помощью Новиков узнал еще о трех подобных эпизодах. Все они произошли в течение нынешнего года. В каждом из них речь шла о внезапной гибели человека, только что продавшего свою квартиру или дом. И были еще кое-какие признаки, объединявшие эти три случая. Во-первых, все продавцы квартир были люди одинокие – то есть искать их никто не собирался. А во-вторых, обстоятельства их гибели всякий раз были какими-то странными: вроде несчастный случай или же самоубийство – а можно подозревать и совсем другую причину. Но только подозревать – ни в одном из этих трех случаев уголовное дело не было возбуждено.

– И каждый раз полученные продавцами деньги исчезали неведомо куда? – предположил Гуров.

– Совершенно верно, – подтвердил Орлов. – Продавцы отправлялись на кладбище, а деньги исчезали. И вот когда у Новикова появилась целая папка таких дел, он записался на прием к областному уполномоченному по правам человека. То есть к моему другу Андрюше. А для убедительности взял с собой еще и крестьянина Тишкина. Так что заявление на имя областного омбудсмена написано ими двоими. В этом заявлении они просят уполномоченного добиться расследования всех указанных случаев гибели продавцов квартир, возбуждения уголовных дел, поиска и наказания виновных в этой гибели. А в ходе разговора правозащитник Новиков сформулировал тезис, который я тебе озвучил в самом начале нашей с тобой беседы: что у них в Залежинске действует банда убийц, промышленяющих ограблением одиноких людей, продающих свои квартиры. И что эта банда, судя по всему, имеет покровителей в полиции и прокуратуре. Иначе как объяснить, что ни одно дело не было расследовано?

– И как ваш бывший сослуживец отреагировал на такое смелое утверждение, а также на письменное заявление просителей? – поинтересовался Гуров.

– Как отреагировал? – переспросил Орлов. Затем, наклонившись к Льву и глядя ему прямо в глаза, сказал: – Я хочу, чтобы ты знал вот что. К должности уполномоченного по пра-

вам в органах относятся по-разному. Некоторые видят в ней досадную помеху, пятое колесо в телеге, некоторые – хорошую кормушку, возможность заработать после отставки. Мой бывший сослуживец Андрей Васильевич Соболев такого отношения не разделяет. Он взялся за это, чтобы помогать людям и исправлять огрехи в работе своих бывших коллег. А о том, что таких огрехов хватает, он знает лучше любого правозащитника. Поэтому, получив информацию о странной гибели трех продавцов квартир в течение одного года, Андрей пообещал заявителям, что приложит все силы, чтобы проверить эти сведения, а если они подтвердятся, добиться возбуждения уголовных дел.

– Очень правильное решение, – одобрил Гуров. – И что ему удалось выяснить?

– Вот тут мы с тобой подходим к самому главному. К причине, заставившей меня оторвать тебя от основной работы и изложить всю эту историю. В том-то и дело, что выяснить моему другу не удалось ровным счетом ничего.

– Вы хотите сказать, что на его запросы в органах отказались отвечать?

– Нет, почему же? Не отказались. Официально они обязаны дать ответ в течение месяца, так что срок еще не прошел. Но Андрей – человек нетерпеливый и ждать месяц не захотел. Пользуясь своими связями (а они, как ты понимаешь, значительно шире, чем у правозащитника Новикова), он вышел непосредственно на руководителей областного УВД и прокуратуры и задал там, на самом верху, нужные вопросы. А ему ответили, что дело, которое он принял к рассмотрению, не стоит выеденного яйца, что никакой серии убийств одиноких владельцев квартир в Залежинске нет, а было несколько разрозненных несчастных случаев, которые давно расследованы и сданы в архив. Так что пусть лучше уполномоченный занимается защитой прав сирот и обиженных дольщиков. А в приватной беседе один из высокопоставленных чинов областного УВД, с которым у Андрея сохранились доверительные отношения, сообщил ему, что заниматься этим делом крайне опасно, и он ему настоятельно рекомендует этого не делать.

– Но ваш друг, я думаю, этому совету не внял? – спросил Гуров.

– Правильно думаешь, – кивнул генерал. – Он предпринял еще несколько шагов. Например, добился эксгумации тела одного квартировладельца, чья смерть выглядела особенно подозрительной – он якобы заснул на железнодорожных путях, и его переехало поездом. Однако эксперты местной криминалистической лаборатории, проводившие обследование, заявили, что ничего подозрительного не обнаружили: ни остатков какого-либо снотворного в крови, ни кровоподтеков – ничего. А еще он попытался найти этого самого гражданина Поповкина, кому покойный Скобликов фактически подарил квартиру. Но едва начал поиски, как у него ночью сгорела машина.

– Просто так, ни с того ни с сего? – уточнил Гуров.

– Дознаватель, которого он вызвал, сказал, что следов поджога нет, – развел руками Орлов, – и что, скорее всего, причина возгорания – короткое замыкание.

– Не застрахованная?

– Угадал. Ты же понимаешь – мы в России к этой моде, все страховать, еще не привыкли. Так что остался мой Андрей без своей старенькой, но еще вполне надежной «Волги». Тут он вспомнил, что у него имеется двое взрослых детей и куча внуков и внучек, с каждым из которых что-то может случиться. И тогда он позвонил мне.

– Вот, значит, как... – медленно произнес Гуров. – И вы хотите, чтобы я туда поехал и все это дело расследовал?

– Да, именно так, – кивнул Орлов. – Не побоишься? – И, заметив удивленный взгляд Гурова, сам же ответил: – Да ладно, это я в шутку. Конечно, вы у меня ребята не пугливые. Но дело, как ты сам видишь, не простое. Этот Новиков, как видно, оказался прав – в Залежинске действует настоящая банда. И у нее есть купленные люди в полиции. Поэтому действовать

обычным, официальным путем, привлекая правоохранительные органы, крайне опасно. Даже для приезжего. Придется действовать как-то иначе.

– Крячко я могу взять? – спросил Гуров.

– Обязательно. И не только Крячко. Можешь подобрать себе в помощь еще кого-нибудь из оперативников. И можешь надеяться на помощь наших экспертов – по первому твоему звонку любой выедет в Залежинск и проведет необходимую проверку.

– За экспертов спасибо, от их помощи не откажусь, а бригаду создавать не буду. Вдвоем справимся, не впервой. К тому же бригаду не спрячешь.

– Это верно, – согласился Орлов. – От скрытности тут многое зависит. О твоей поездке в Залежинск у нас не будет знать никто, у тамошних «кротов» здесь могут свои уши иметься. И лучше всего вам ехать автобусом. Там пока еще новый порядок в действие не вступил, паспорт не требуют...

– Нет, мы поступим иначе, – сказал Гуров. – Думаю, мы со Стасом воспользуемся его «фордиком». Я поеду пассажиром, у меня, если их ГАИ нас остановит, документы проверять не станут. А Крячко у нас не такой известный, и в правах не написано, что он полковник полиции. К тому же у нас будет на месте свое средство передвижения.

– Верное решение! – одобрил генерал. – И с гостиницей надо будет тоже... поосторожнее. Я даже не знаю, надо ли вам командировку выписывать.

– Командировку вы, пожалуй, выпишите, – решил Гуров. – На всякий случай. Но в гостиницу мы не пойдем, попробуем как-нибудь иначе устроиться.

– В любом случае вы можете рассчитывать на помощь Андрея, – заверил Орлов. – Звонить я ему, пожалуй, не стану, а устраю сеанс компьютерной связи, как сейчас модно. Как же это называется... А, вспомнил – скайп! Там ведь друг дружку видишь. И в таком общении легче нужную информацию передать, даже если не говоришь все прямо. Впрочем, я так, слегка перестраховываюсь. Не думаю, что за ним такую плотную слежку установили, вы вполне можете к нему обращаться.

– Да, без его помощи нам не обойтись, – согласился Гуров. – И хорошо бы иметь хоть одного надежного человека среди тамошних полицейских.

– Вот этого обещать не могу, – ответил генерал. – То есть честные люди там наверняка есть, но удастся ли вам на них выйти – не знаю.

– Что ж, будем надеяться, – сказал Лев.

– Хорошо, езжайте, – напутствовал его генерал Орлов. – И помните, что ваша задача – не только проверить сведения о наличии в Залежинске банды убийц. И не только разоблачить эту банду, если она действительно там действует. Еще одна ваша важная задача – разоблачить бандитских пособников, которые засели в тамошней полиции.

Глава 3

Перед тем как отправиться в Залежинск, Гуров и Крячко посоветовались, как им правильно построить свой маршрут. Крячко уже несколько раз ездил на машине в Поволжье и всякий раз поступал по одной схеме: выезжал из Москвы рано утром, чтобы к вечеру быть на месте. Но сейчас эта схема не годилась: нельзя было приехать, заселиться в гостиницу, переночевать, а уже утром, на свежую голову, приступить к работе. Теперь им свою деятельность в Залежинске следовало начать с визита к отставному генералу, а ныне уполномоченному по правам Андрею Соболеву. И нанести такой визит удобнее всего утром. Значит, надо было где-то ночевать.

Поскольку холода еще не наступили, а друзья были людьми закаленными, решили ночевать прямо в машине. Миновав Пензу, они свернули с трассы в густой сосновый лес, поужинали тем, что Мария собрала Гурову в дорогу, завернулись в одеяла и улеглись. А рано утром двинулись дальше.

Как и рассчитывали, к десяти утра уже въехали в Залежинск. Когда подъезжали к расположенному на въезде КПП, Крячко спросил:

– Ну что, гражданин Гуров, под сиденье прятаться будешь? А то ведь вмиг узнают. При твоей известности вещь очень даже возможная. Сначала букетами закидают и памятный сувенир вручат, а потом сволокут в овраг и в расход пустят.

– Типун тебе на язык! – рассердился Лев. – На меня букеты очень плохо действуют: у меня от них нос закладывает. Но под сиденье лезть тоже не хочется. Ладно, авось пронесет.

И он оказался прав, русский «авось» подействовал: на КПП на их московский номер даже не взглянули. Друзья въехали в город и начали разыскивать офис Соболева. Оказалось, он располагался недалеко от центра. С трудом отыскав место для стоянки (выяснилось, что в провинциальном Залежинске с этим так же трудно, как и в Москве), оперативники направились на свидание с бывшим сослуживцем генерала Орлова.

Андрей Васильевич Соболев встретил их как самых дорогих гостей.

– Вы не представляете, Лев Иванович, как я рад вас видеть! Сейчас я насчет чая распоряджусь.

– А нельзя ли к чаю еще чего-нибудь? – попросил Крячко. – А то, если честно, у нас с утра во рту еще ничего не было.

– И это можно! – кивнул хозяин кабинета. – Я попрошу своего помощника, он сбегает в ближайшую «кулинарку», купит там чего-нибудь. А пока вы будете завтракать, я приглашу сюда еще юриста Новикова. Он человек, конечно, далекий от оперативной работы, но зато владеет всей информацией. Вам все равно надо будет с ним познакомиться. И удобнее это сделать у меня – у него в офисе постоянно толпа самого разного народа.

– Правильная мысль, – одобрил Гуров.

Вскоре на столе появились чашки с чаем, а затем и разнообразные булки и пирожки. Сыщики набросились на них с большим аппетитом. Они как раз заканчивали завтракать, когда в дверях кабинета появился невысокий человек, на вид чуть старше сорока. Толстые линзы его очков воинственно блестели, лицо выражало решимость преодолеть любые преграды.

– Вот, знакомьтесь, – представил вошедшего Соболев. – Новиков Александр Дмитриевич. А это – товарищи, которые приехали из Москвы, чтобы расследовать ваше заявление, полковники Гуров и Крячко.

– Чтобы выявить банду убийц, вы хотите сказать? – уточнил правозащитник. – А что касается товарищей, то они все остались в прежних временах, так что теперь я готов иметь дело с господами Гуровым и Крячко.

– Да хоть и с господами, – согласился Лев, – лишь бы дело с места сдвинуть. Присаживайтесь, и давайте побеседуем. Начнем вот с какого вопроса: почему вы считаете, что пенсионер Скобликов, а также остальные люди, о которых вы сообщили Андрею Васильевичу, были именно убиты? Разве нельзя исключить, что они умерли естественной смертью, от несчастного случая?

Гуров боялся, что его предположение вызовет возмущение правозащитника, однако Новиков отнесся к вопросу вполне спокойно.

– Конечно, бывают всякие странные стечения обстоятельств, – сказал он. – Могло ли так случиться, что Скобликов, получив за свою «трешку» почти три миллиона рублей, выплатив из этих денег два миллиона за однокомнатную квартиру, не понес оставшийся у него миллион в банк, а пошел вместо этого пить пиво с незнакомым человеком? Отвечу: могло. Потому что покойный пенсионер был человеком, судя по всему, медленно соображающим, излишне доверчивым и к тому же склонным к выпивке. Теперь пойдем дальше: мог ли Скобликов, выйдя из рюмочной, не пойти по освещенной улице, а направиться к остановке по дорожке между гаражами? Опять же мог, и по тем же причинам. Мог ли он, пройдя между гаражами, упасть в канаву и утонуть? И это могло быть: пьяный, как известно, и в тарелке утонуть может. А неизвестный друг, с которым он пил пиво, мог забрать его деньги. Все это возможно. Но вот что никак не укладывается в список возможных обстоятельств, так это генеральная доверенность на имя гражданина Поповкина. С какой стати Скобликов стал бы фактически дарить свою квартиру – единственное, что у него осталось, – совершенно незнакомому человеку?

– А не могло быть так, что Скобликов получил за эту доверенность деньги? – предположил Гуров. – То есть фактически продал свою «однушку»? А затем эти деньги у него украли вместе с остальными.

– Я несколько раз занимался делами людей, которых разные мошенники пытались надуть при покупке или продаже квартир, – сообщил Новиков, – поэтому хорошо знаком с порядками, заведенными при подобных сделках. И я никогда не слышал о такого рода продажах. Выдача генеральной доверенности – событие, если не совсем невероятное, то очень маловероятное. Но я понимаю вашу цель, вы хотите отделить факты от домыслов и гипотез, чтобы потом вести расследование с полной уверенностью.

– Совершенно верно, – подтвердил Гуров, глядя на правозащитника с некоторым удивлением. – Вы говорите прямо как настоящий оперативник.

– Видите ли, я защитой прав граждан не сразу после детского сада занимаюсь, – объяснил Новиков. – После института успел поработать в прокуратуре – это еще при советской власти было. Дослужился до прокурора района. Служил бы и дальше, если бы не проявил излишнюю принципиальность: захотел расследовать до конца одно дело, которое начальство велело закрыть. Пришлось с прокурорской карьерой расстаться. А прокуроры в то время, если помните, были тесно связаны со следственной работой. Вот и нахватался кое-каких сведений.

– Хочу сказать, что вы меня не убедили, – заключил Гуров. – Конечно, совпадение всех обстоятельств кажется невероятным, но каждое из них, если его брать отдельно, можно объяснить, не прибегая к той версии, которая изложена в вашем заявлении. О том, что Скобликова убила банда.

– Я такое возражение предвидел, – сказал Новиков, – именно поэтому и начал искать похожие случаи. Нашел сразу три: это эпизоды, связанные с исчезновением Лидии Лейкиной, Елены Поплавской и Юсуфа Гилязова. Особенно характерна история с Гилязовым. Одиноким старик. Дети – два взрослых сына – есть, но оба живут в других городах: один в Норильске, другой в Салехарде. Жил один в трехкомнатной квартире. Никакой нужды не испытывал – дети отца не забывали, всегда были готовы ему помочь. И вдруг он решает продать свою «трешку» и переехать в однокомнатную квартиру. Однако почему-то туда не переезжает. Три дня после выезда со старой квартиры находится неизвестно где, а на третий день машинист поезда Зале-

жинск – Новокузнецк, приближаясь к неохраняемому переезду в десяти километрах от города, видит лежащего на путях человека. Машинист, конечно, включил экстренное торможение, пассажиры попадали с полок, кое-кто получил травмы. Но спасти человека, лежавшего на рельсах, не удалось.

– И это оказался Гилязов?

– Да, именно так.

– Но ведь в этом случае следствие уж точно проводилось, – заметил Крячко. – Это вам не подвыпивший пенсионер, утонувший в канаве.

– Да, следствие проводилось, – подтвердил правозащитник, – но очень быстро закончилось. Дознаватель пришел к выводу, что Гилязов забрел на переезд сам и там потерял сознание – с ним случилось что-то вроде обморока. Поэтому, хотя приехавшие в город сыновья требовали провести более тщательную проверку, дело возбуждать все-таки не стали.

– А деньги? Та сумма, которую Гилязов получил за продажу квартиры – где она? – спросил Крячко.

– И что в этом случае стало с однокомнатной, в которую пенсионер собирался переселиться? – добавил Гуров.

– Деньги исчезли, – развел руками Новиков. – На основании этого факта сыновья заявляли, что их отец был ограблен, и требовали расследовать факт грабежа. Однако в этом им в милиции тоже отказали, заявив, что не располагают доказательствами того, что такое ограбление имело место. Сыновьям объяснили, что их отец, в силу своего преклонного возраста, мог просто потерять деньги. Что касается «одношки», то она оказалась проданной.

– И когда же была совершена эта продажа? – полюбопытствовал Лев.

– Как раз накануне того дня, когда Гилязова обнаружили на переезде, – ответил правозащитник. – Сыновья, естественно, поспешили к покупателям – хотели, чтобы те рассказали им об отце. Ведь получалось, что они были последними, кто видел старика в живых. В квартире они нашли молодую семейную пару. Молодожены были очень расстроены, узнав о случившейся трагедии, и были готовы ответить на любые вопросы. Однако – увы! – рассказать о Гилязове они ничего не могли, поскольку старика не видели. От его имени сделку совершил посредник...

– Который имел на руках генеральную доверенность... – закончил за него Гуров.

– Совершенно верно, – кивнул Новиков. – Некий Седых. Сыновья кинулись разыскивать этого Седых – и не нашли. Такой человек в Залежинске нигде не значился.

– Сыновья, наверно, еще пытались добиться справедливости, везде обращались... – предположил Крячко.

– Не совсем так, – объяснил Новиков. – Братья сходили в прокуратуру, получили отказ и там, и после этого их пути разошлись. Старший, которого звали Ринат, уехал к себе в Салехард, а младший, Анвар, остался. Он заявил брату, что не может вернуться ни с чем и не успокоится, пока не узнает правду. Эту фразу он повторял потом не раз – и в милиции, и в прокуратуре. Он еще неделю ходил по разным кабинетам, писал заявления, требовал провести повторное расследование гибели отца... А спустя неделю произошла еще одна трагедия. Анвара Гилязова обнаружили мертвым в гостиничном номере. Оказалось, что он брлся электрической бритвой, лежа в ванне. Видимо, выронил бритву, она упала в воду, и Анвар умер от сильного удара током.

– А что же Ринат? – спросил Гуров.

– Ничего. Приехал, похоронил брата и снова вернулся в Салехард.

– Стало быть, в вашем досье не четыре смерти, а пять, – подытожил Гуров.

– Совершенно верно, – кивнул правозащитник. – Именно пять. И все – от несчастных случаев. По крайней мере, по официальной версии. Ну что, я вас убедил?

– Да, – твердо ответил Гуров, – вы меня убедили. Такого количества совпадений быть не может. Когда такие вещи случаются раз за разом – это уже не совпадение. Это – схема.

– Верно говоришь, Лев Иванович, верно! – поддержал его Соболев. – Признаюсь, когда Александр Дмитриевич впервые ко мне пришел и выложил всю эту информацию, я сначала решил, что это у него так... гипотеза. Но потом, когда ознакомился со всеми фактами, понял: нет, он прав. Тут действительно банда.

– И, как я понимаю, эта банда имеет своих людей и в полиции, и в прокуратуре, раз никакие заявления не рассматриваются и дела не возбуждаются, – подытожил Гуров.

– Совершенно верно, – кивнул головой Новиков. – Причем эти «кроты» сидят не внизу, в отделах, а на самом верху. А оттуда уже дают указания – это закрыть, это не расследовать.

– Хорошо, если мы уже зашли так далеко, давайте называть имена, – предложил Лев. – Есть у вас предположения, кто может входить в эту банду? И кто ее прикрывает в органах?

– Нет, предположений у меня нет. Насчет полиции могу только сказать, что это должен быть человек, занимающий должность не ниже начальника городского управления. Или даже областного, – ответил Новиков.

– Но ведь вы, Андрей Васильевич, не так давно возглавляли областное управление внутренних дел, – сказал Гуров, поворачиваясь к омбудсмену. – Вы там всех должны хорошо знать. Как думаете, кто вступил в сговор с бандитами?

– Возглавлял, это верно... – со вздохом произнес Соболев. – И вроде людей правильно подбирал. Но, видимо, не научился за долгую жизнь в людях до конца разбираться. Я ведь, когда уходил в отставку, оставил после себя своего заместителя Сергея Крайнова. Мужик был правильный по всем показателям! Но пробыл он во главе управления недолго. Подсадил его другой мой заместитель, Леонид Мартынович. Мартынович – это не отчество, это у него фамилия такая. Как мне рассказали знающие люди, писал на Сергея доносы в Москву чуть не каждый день, во всех смертных грехах его обвинял. Думаю, правды в этих бумажках было от силы процентов десять. Но добился-таки Леня своего – Крайнова сняли и послали с понижением в другую область, а Мартыновича на его место назначили. И я за него не поручусь. Нет, не поручусь.

– То есть сам глава областного УВД может быть связан с бандитами... – задумчиво проговорил Лев. – Да, это плохо. А что можете сказать насчет начальника городской полиции?

– Городское управление у нас возглавляет Миша Пилюгин. На должность еще я его назначал. Человек он исполнительный, сообразительный... За эти качества я его в свое время и выделил. А вот про другие стороны его характера сказать не могу.

– Стало быть, и он может оказаться на той стороне, – заключил Гуров. – Исполнительность и сообразительность – такие качества, которые по-разному можно применить. А что насчет прокуратуры?

– Областной прокурор Геннадий Робертович у нас законник, – улыбнулся Новиков. – Как начнет на каких-нибудь конференциях выступать или в прессе, так у него слово «закон» прямо с языка не сходит.

– А на самом деле?

– А на самом деле Цыганов – человек очень скрытный и осторожный, – ответил Новиков, сразу став серьезным. – Ничего определенного про него сказать нельзя. Хотя нет, одно сказать могу: по собственной инициативе он ни в какой конфликт вступать не станет. Даже если ему изложат неопровержимые факты, говорящие, что начальник областного УВД получает деньги от бандитов, а, допустим, мэр города сам возглавляет банду, – он палец о палец не ударит. Забыть эти сведения не забудет, но и ходу им не даст.

– То есть вы хотите сказать, что прокурор области в банде, скорее всего, не состоит? – уточнил Гуров.

– В банде, думаю, не состоит, – подтвердил Новиков, – но и помощи в расследовании от него ждать не стоит.

– Что ж, постараемся обойтись своими силами, – сказал Гуров. – В конце концов, мы на помощь от местных органов и не рассчитывали.

– Нет, все-таки это неправильно – совсем вас без поддержки оставлять, – возразил Соболев. – А то вы можете подумать, что среди моих бывших подчиненных вообще честных людей нет. А это для меня обидно. Одно-двух помощников я вам найду. Погодите, дайте вспомнить... А, вот, пожалуйста. Служит у нас в Ленинском райотделе лейтенант Строев. Петром его звать, а как по отчеству, не знаю. Смелый парень, в нескольких задержаниях отличился. У него и отец в милиции работал, я его хорошо знаю. Потому и Петра тоже знаю, смело могу его рекомендовать. Если согласны, я вам дам его сотовый. А ему позвоню, предупрежу о вашем возможном звонке.

– Что ж, от такой помощи мы не откажемся, – согласился Лев. – А сейчас нам надо решить более простой и насущный вопрос: где нам остановиться? В гостиницу идти не очень хочется.

– Да, в гостинице вы будете на виду, – поддержал его Соболев. – Если у них в органах свои люди, вы сразу «под колпаком» окажетесь. Нужно вам подыскать какую-нибудь квартиру...

– Квартиру я могу предложить, – вызвался правозащитник. – У меня есть группа общественных помощников. Они ведут прием граждан, дают консультации – и все бесплатно. И среди этих помощников есть один интереснейший человек – Козенко Тарас Григорьевич. В прошлом он – узник лагерей, отсидел в общей сложности восемь лет.

– И за что же этот интереснейший человек сидел? – осведомился Гуров, который с большим недоверием относился к такого рода людям.

– Можно сказать, за язык, – объяснил Новиков. – Анекдоты рассказывал, начальству дерзил, вопросы ненужные задавал. За это ему впяли вначале три года. А потом, уже на зоне, дали второй срок, побольше, а потом и третий. В общем, сломали человеку жизнь. В результате он так и не женился, своей семьи у него нет. Живет один в бывшей коммуналке, которая теперь стала трехкомнатной квартирой. Правда, удобства там частичные – ванны нет, отопление печное. Зато близко от центра. А главное – Тарас Григорьевич горой стоит за торжество закона. Будет вам и хозяином, и помощником.

– Это все, конечно, замечательно, но я бы это предложение не поддержал, – возразил Андрей Соболев. – Тараса Григорьевича я знаю – и на конференциях правозащитных его слышал, и на приеме он у меня был. Человек совершенно неуправляемый и не умеет держать язык за зубами. Причем не только в том смысле, что говорит лишнее при посторонних, он и своих может заговорить до одурения. Нет, вам с ним будет очень трудно.

– Да, мы, пожалуй, от этого предложения откажемся, – сказал Гуров, который и без слов Соболева решил это сделать. – Ничего страшного, поживем в гостинице.

Он думал, что Новиков после выступления Соболева и его отказа возмутится, станет защищать своего протеже, но тот, наоборот, согласился с Соболевым.

– Тарас Григорьевич, наверное, и правда, не лучший вариант, но я вам еще одну кандидатуру могу предложить. Есть у нас одна талантливая журналистка, зовут Оксана Горобец. Специализируется как раз на криминальной и правозащитной тематике. Мы с ней часто сотрудничаем, и я знаком с ее жизненными условиями. Она одинокая, живет в частном доме. Дом, правда, далеко от центра, в Заводском районе, и удобств еще меньше, чем у Козенко, зато Оксана Петровна вам мешать не будет. А может и помочь: она знает буквально всех здешних сотрудников полиции и прокуратуры, начиная с уровня руководителя отдела, да и многих рядовых работников. Хорошо разбирается в отношениях между нашими залежинскими властью имущими. Впрочем, я не буду настаивать. Давайте послушаем, что Андрей Васильевич скажет.

– Что я скажу... – задумчиво произнес омбудсмен. – Оксана, конечно, девушка с характером... Ей палец в рот не клади. Но она действительно в обстановке хорошо разбирается.

А относительно того, что живет на окраине, так это, может, даже лучше, в смысле скрытности. Правда, не уверен, что она согласится... Все же одинокой девушке с двумя мужчинами не совсем удобно...

– Когда она узнает, зачем они приехали, сразу согласится, – заверил Новиков. – Так что, если наши гости не возражают, я сейчас ей позвоню.

– А чего нам возражать? – пожал плечами Гуров. – В частном доме может действительно оказаться лучше.

– А что касается одинокой девушки, – заметил Крячко, – то она будет иметь дело не с какими-то мужчинами, а с двумя сотрудниками полиции, опытными оперативниками. Думаю, мы поладим, поэтому можете звонить вашей журналистке.

Новиков достал телефон и, отойдя немного в сторону, позвонил. Гуров обратил внимание, что правозащитник разговаривает так, чтобы до окружающих не доносилось буквально ни одного слова. «Сказывается прокурорская выучка», – подумал сыщик.

– Ну что я говорил? – вернулся к своим собеседникам Новиков. – Оксану уговаривать не пришлось. Как только узнала, кто приехал и зачем, сразу согласилась. Так что можно ехать в Заводской район.

Глава 4

Распровавшись с областным уполномоченным по правам человека, оперативники в сопровождении Новикова вышли на улицу. Правозащитник хотел поймать такси, но Крячко сообщил, что у него имеется собственная машина.

– Своя машина – это хорошо, – кивнул Новиков. – Правда, город вы не знаете. Ладно, я вам буду показывать дорогу. Пока что запомните, что вы будете жить в районе ресторана «Цветок».

– А чем этот ресторан так знаменит? – спросил Гуров. – Бандиты в нем, что ли, собирались? Или в нем так вкусно кормят? Но обедать вроде пока рано...

– Нет, никаких особенных заслуг за этой точкой питания не числится, – ответил правозащитник. – Просто в прежние времена это был единственный ресторан во всем Заводском районе. Возле него сносили старое ветхое жилье и строили дома со всеми удобствами, поэтому ресторан этот стал известным местом, своего рода ориентиром. Та часть района, что находится дальше, считается совсем глухой окраиной, и у риелторов котируется значительно дешевле. А если говорить об обеде, то обедать вы будете, конечно, у Оксаны. Не сомневайтесь, она накормит. И запоминайте дорогу.

Оперативники последовали совету и стали внимательно глядеть по сторонам. С широкой улицы, по которой они приехали к ресторану, они свернули на другую, узкую, малопроезжую, застроенную в основном пятиэтажками. Проехали пять минут и еще раз повернули – на этот раз в проулок. Тут уже пошли частные дома, кое-где кирпичные, но больше деревянные. Возле одного из домов Новиков попросил Крячко остановить машину, после чего вышел и постучал в окно. За стеклом мелькнуло женское лицо, а спустя несколько секунд открылась калитка в примыкавшем к дому заборе, и оттуда выглянула молодая женщина:

– О, да вы на машине! Хорошо, сейчас ворота открою, во двор загоните.

Гуров вышел, чтобы помочь. Вдвоем они сняли запор и открыли тяжелые воротины. Крячко въехал во двор, после чего женщина снова закрыла ворота и сказала:

– Ну теперь можно и в дом.

Гуров наконец смог разглядеть ее получше. На вид хозяйке было около тридцати, среднего роста, с твердым, даже немного сердитым выражением лица и очень миловидная.

– Вы не стойте, заходите, – предложила она. – Там, в доме, знакомиться будем.

Вслед за хозяйкой Гуров и Крячко вошли в прихожую, а затем в комнату, которую в современном доме назвали бы гостиной, потому что из нее открывались двери в две другие комнаты – видимо, спальни. Сама же проходная комната служила, очевидно, столовой, а также кухней. Об этом говорил большой обеденный стол, а также старинная печь в углу, к которой, однако, вела вполне современная газовая труба. В комнате было довольно чисто, но Гуров отметил покосившиеся полы и отставшие от стен обои. Заметил он и лежавшие на печке мягкие игрушки – яркого смешного медведя, зайца, еще каких-то зверушек. Хозяйка проследила за его взглядом и, криво усмехнувшись, пояснила:

– Нет, ребенка нет. Я тут думала обзавестись, да не сложилось. Что ж, давайте знакомиться. Оксана. По отчеству Петровна, но лучше без отчества.

Новиков представил гостей и сказал о цели их приезда.

– Да, я поняла, – прервала его на середине фразы хозяйка. – Очень нужное дело. Только мы его чуть позже обсудим, ладно? Пообедаем – и обсудим. Если, правда, захотите со мной обсуждать – а то, может, вам никакая помощь не нужна. А пока идите, располагайтесь. Жить будете вон в той комнате, – она показала на правую дверь. – Там мама жила. Кровать есть, и еще я раскладушку поставила. Вас устроит?

– Абсолютно! – заверил ее Гуров. – А насчет того, что мы от помощи откажемся, – это вы заблуждаетесь. Помощь нам очень нужна. Я как раз собирался попросить вас и Александра Дмитриевича вместе с нами обсудить это дело. Только вначале хотелось бы умыться. Какой-нибудь рукомойник найдется?

– Почему же рукомойник? – ответила Оксана. – У меня и туалет, и душ есть. Дверь там, из прихожей. Только что-то там засорилось, в душе вода на полу стоит...

– Ничего, перетерпим, – успокоил ее Крячко. – А позже мы ваш слив посмотрим, может, удастся исправить.

Сыщики направились в отведенную комнату, бросили вещи, после чего Крячко уступил Гурову право первым идти в душ, а сам пошел к Оксане – помочь в приготовлении обеда. Выйдя из душа, Гуров услышал их оживленные голоса и смех хозяйки. Правозащитник Новиков сидел в углу кухни – как видно, его помощь не потребовалась.

Спустя полчаса все уже уплетали приготовленный совместными усилиями борщ. Когда с едой было покончено и перешли к чаю, Гуров решил, что можно начать обсуждение ситуации.

– Я хочу поставить вопрос, который покажется странным, – начал он, – но такая постановка, как показывает опыт, может оказаться очень полезной. Итак, вопрос звучит так: что нужно сделать владельцу квартиры у вас в Залежинске, чтобы стать жертвой убийцы? Или, короче говоря, как погибнуть в Залежинске?

К радости сыщика, ни Оксана, ни Новиков ничуть не удивились и сразу включились в обсуждение.

– Мне кажется, для этого человек должен отвечать трем условиям, – сказал правозащитник. – Во-первых, иметь большую квартиру в центре города или недалеко от центра. То есть дорогую и в хорошем районе, чтобы можно было легко найти на нее покупателя. Во-вторых, он должен быть одиноким: не просто жить один, но чтобы родные были далеко или вовсе отсутствовали.

– Да, человек компанейский, к которому часто заходят друзья и знакомые, тут не подойдет, – поддержал его Крячко. – Потому что, если с ним что-то случится, это сразу станет известно.

– Нет, даже раньше станет известно, – сказала Оксана, которая внимательно прислушивалась к разговору. – Ведь эти «черные риелторы» должны вначале владельца квартиры обхаживать, уговаривать. А человек компанейский обязательно расскажет об этом друзьям, что нежелательно.

– Как вы их назвали? – заинтересовался Гуров. – «Черные риелторы»? А что, хорошее выражение, образное. Можно использовать.

– Что ж, Оксана – человек творческий, образные выражения – ее хлеб, – заметил Новиков. – Так я продолжу. В-третьих, такой человек должен быть доверчивым, легко поддаваться на разного рода соблазнительные предложения и плохо разбираться в людях.

– Что ж, я думаю, вы все правильно перечислили, – согласился Гуров. – Таким образом, мы обозначили людей, которые входят в «группу риска», тех, у кого бандиты могут попытаться «отжать» квартиру. Значит, если мы выявим нескольких таких человек и будем следить за тем, что с ними происходит, то есть вероятность, что мы обнаружим рядом с одним из них кого-то из «черных риелторов». Теперь я хочу задать другой вопрос: как действуют преступники? А отсюда мы вплотную подойдем к главному вопросу: где они находятся и где их нужно искать?

– Над этими вопросами я долго думал, когда искал случаи, похожие на гибель пенсионера Скобликова, – сказал Новиков. – «Черные риелторы», как их назвала Оксана, наверняка имеют доступ к базе данных по владельцам квартир в городе. На основании этой городской базы они создали свою, бандитскую, в которую включили людей из «группы риска». Значит, у них должны быть свои люди в городском БТИ или в регистрационной палате. А может, и там, и там. Далее, выбрав будущую жертву, они начинают ее обхаживать, описывать выгоды

от продажи квартиры. Для такой цели удобнее всего подойдут люди, которые выдают себя за социальных работников и, скорее всего, имеют опыт такой работы. Затем, когда жертва подготовлена, за дело берутся собственно «черные риелторы», они оформляют сделку по продаже большой квартиры, покупке маленькой и оформлению генеральной доверенности. Ну и наконец, на последней стадии подключаются уже бандиты, киллеры. Они убивают жертву и скрывают следы преступления.

– Я вижу, вы проделали за нас большую часть работы, – заметил Гуров. – Анализ просто замечательный. Итак, бандиты сидят в регистрационной палате, они имеют своих людей в социальных службах, у них есть собственная риелторская контора, и есть группа «ликвидаторов» – возможно, они официально числятся в каком-нибудь ЧОПе. Вот по этим адресам их и надо искать. Причем начинать надо, как мне кажется, с середины цепочки – с тех, кто ходит по квартирам и знакомится с людьми, а также с риелторов. Надо отыскать риелтора, который вел сделку Скобликова – это самое последнее преступление, здесь все следы еще свежие, – а он приведет нас к остальным.

– Этого человека, который продавал квартиру Скобликова, должны знать новые владельцы его квартиры. Я схожу к ним и все узнаю, – сказал Крячко.

– А под каким видом вы будете выступать? – поинтересовался Новиков. – Ведь не придете же и не скажете: «Я – полковник полиции из Москвы, расследую убийство бывшего хозяина этой квартиры...»

– Нет, так не годится, – согласился Стас. – Есть разные варианты. Например, я – знакомый Скобликова, у меня тоже есть большая квартира, и я хочу ее продать. Слышал от пенсионера, что он свою продал очень выгодно, риелтор хороший попался. Вот я его и ищу.

– Что ж, легенда неплохая, сгодится, – кивнул Гуров. – А я познакомлюсь с семьей, которая купила «однушку», куда должен был въехать Скобликов, и у них узнаю фамилию второго риелтора. Ведь такие сделки обычно ведет не один человек, а два. А когда мы будем знать имена этих людей...

– Погодите! – вдруг воскликнула Оксана. – Я сейчас вспомнила! Ко мне ведь тоже обращались с таким предложением!

– С каким – о продаже? – спросил Гуров.

– Ну да! Полгода назад приходила тетка, уговаривала дом продать. Обещала найти покупателя, который выложит за мою развалюху полтора, а может, и два миллиона. А я, дескать, на эти деньги смогу купить «однушку» ближе к центру, естественно, с удобствами. Она на удобства в основном и напирала. Мужу, мол, все равно, в каких условиях жить, а девушке с печкой да с газовой горелкой в душе неудобно.

– И что же вы ей ответили? – спросил Гуров. – Не согласились?

– Не то что не согласилась, а просто мне не до того было, – ответила Оксана. – Я в то время как раз большое расследование вела о махинациях в дорожном строительстве, писала серию статей в одну местную газету, и отвлекаться на эти обменные дела желания не было. Тетка, правда, говорила, что она все на себя возьмет, мне самой ничего делать не придется, но я ей сразу сказала, что на другого человека, какой бы он близкий ни был, положиться не могу, мне самой надо во все вникнуть, а уж чужому такое важное дело тем более не могу доверить.

– Ну и как тетка отреагировала? – спросил Крячко.

– А никак, просто тихо исчезла.

– Кем же она представлялась? Риелтором?

– Да, верно, риелтором, – подтвердила девушка. – Она даже фирму называла, но как-то бегло, и я не запомнила.

– А телефон она не оставляла?

– Как же, совала визитку, но я ее вскоре выбросила. Мне столько всяких визиток по работе дают – если все держать, чемодана не хватит.

– И как ее зовут? Ведь она, наверное, представлялась?

– Представлялась, конечно. Зовут, зовут... Нет, не помню, – покачала головой Оксана. – Полгода прошло – все из головы вылетело.

– Опишите хотя бы, как выглядела эта ваша тетка, – попросил Гуров.

– Как выглядела... – задумалась Оксана. – Лет ей где-то под сорок. Среднего роста. Выглядела как платиновая блондинка, но это точно не ее природный цвет, а какой природный – не знаю. Загорелая – то ли на курорте была, то ли в солярий ходит. На лицо вроде так, ничего, но выражение уж больно какое-то... бойкое. И манера говорить тоже – как у торговых агентов. Чешет без пауз, забалтывает, одним словом. И вообще я ее, наверное, зря теткой назвала. Себя она, скорее всего, считает дамой. Такой самостоятельной дамой. Мне она не понравилась, я людей такого типа часто встречала, и они никогда мне не нравились, поэтому и с ней я не захотела дело иметь.

– Что ж, вполне возможно, что эта ваша «тетка», или «дама», – как раз из тех, кого мы ищем, – заключил Гуров. – В таком случае у нас имеется ее словесный портрет, а это уже кое-что. Установить остальное – наша со Стасом задача. Спасибо вам за помощь. Я вас, Александр Дмитриевич, только попрошу: дайте мне папку с собранными вами данными по всем пропавшим владельцам квартир. Я сейчас быстренько все перепишу и больше вас беспокоить не буду.

– С удовольствием предоставлю, – ответил правозащитник. – Вот, берите, переписывайте. Кстати, тут, кроме сведений, есть еще и несколько фотографий пропавших пенсионеров. Скобликов точно есть – мне его фото дал его шурин. Только мне кажется, я мог бы вам еще чем-то помочь. Я собирался продолжить поиски пропавших хозяев квартир – искать тех, кто пропал не в этом году, а раньше, скажем, за последние три года. Думаю, вам такие сведения пригодятся.

– Дело, конечно, нужное, – согласился Гуров, – но уж больно опасное. Я вспоминаю ваш собственный рассказ о судьбе младшего сына пропавшего Гилязова. Нам-то со Стасом по службе положено рисковать, а вам зачем?

– Мне тоже положено, – серьезно произнес Новиков. – Еще неизвестно, кто больше рискует. Мне уже раза четыре разные милицейские начальники угрожали шею свернуть. Но пока вот жив.

– Что ж, если вы готовы этим заняться, то флаг вам в руки. Нам такие данные очень нужны.

– А меня вы что, решили за бортом оставить? – спросила Оксана.

– Почему за бортом? – удивился Лев. – Вы, Оксана, нам уже оказали большую помощь тем, что приютили. А если мы еще сможем рассчитывать на ужин...

– Типичный мужской шовинизм, – фыркнула девушка. – «Уютный дом и сытный ужин» – вот, по-вашему, все, что может дать женщина. Нет, мне роль домохозяйки не подходит. Я тоже собираюсь заняться делом. Например, поспрашивать своих знакомых, не сталкивались ли они с «социальными работниками», которые уговаривают одиноких стариков продать свое жилье, или с «черными риелторами». А знакомых у меня – половина города.

– Что ж, это можно, – согласился Гуров. – Тогда давайте договоримся так. С вами, Оксана, мы, понятное дело, вечером еще увидимся, а вы, Александр Дмитриевич, если найдете что, дайте знать. Мой сотовый у вас есть? Вот и отлично.

Глава 5

Дом, в котором еще месяц назад жил пенсионер Скобликов, Крячко нашел без труда. Это была типичная панельная девятиэтажка, какие лет тридцать назад строились во множестве. Располагалась она недалеко от центра города, но при этом в стороне от оживленной магистрали, по которой шел основной транспортный поток. То есть место было выигрышное, что повышало стоимость квартир в доме.

Поднявшись на третий этаж, Крячко увидел нужный номер квартиры и нажал на кнопку звонка. Послышались шаркающие шаги, однако дверь не открылась. С той стороны послышался пронзительный женский голос, произнесший только одно слово:

– Кто?

– Понимаете, я знакомый Павла Петровича Скобликова, у которого вы купили квартиру, – начал излагать свою легенду Крячко. – И он мне рассказывал, что продал свою очень выгодно, хорошие деньги получил. У меня тоже большая квартира, и я ее тоже собираюсь продавать, поэтому хочу найти риелтора, который Павла Петровича обслуживал. Вы мне не можете? Вы же с ним тоже виделись...

– А чего у самого Скобликова не узнаете, если знакомый? – с подозрением спросили из-за двери.

– А вы разве не слышали? – Голос Крячко выразил удивление. – Умер Павел Петрович. Даже не успел в новую квартиру переселиться.

– Да слышала я, слышала... – отозвались из-за двери. – Ходил тут какой-то мужик, все хотел, чтобы мы ему доложили, куда этот Павел делся. А я что, знаю? Я его что, сторожу, что ли?

Крячко боялся, что после такой отповеди его собеседница вообще удалится, однако, вопреки его опасениям, щелкнул замок, дверь приоткрылась, и в образовавшейся щели сыщик увидел настороженное лицо женщины, готовой дать отпор любому, кто покусится на ее имущество. Видно, легенда, изложенная Стасом, чем-то ее заинтересовала, потому она и приоткрыла створки своей раковины. Вскоре стало понятно, что именно побудило хозяйку пойти на такой шаг.

– Значит, этот Павел говорил, что выгодно квартиру продал? – переспросила женщина.

– Да, он остался очень доволен, – подтвердил Крячко.

– Ну еще бы не доволен! – воскликнула хозяйка. – За такую развалину почти три миллиона хапнуть!

– Неужели так много? – изумился Крячко.

– Вот именно! – подтвердила женщина. – И эта стерва, риелторша его, никак уступить не хотела! Мы уж ей объясняли, объясняли – и что дом старый, и площадь не такая большая, – а она уперлась, и ни в какую! Так все два с половиной из нас и вытянула!

– Но я слышал, что вам и мебель Павла Петровича досталась... – напомнил Крячко.

– Ну и что?! – не отступала хозяйка квартиры. – Подумаешь, мебель! Шкафы старые да диван! Понятно, что он не хотел это старье с собой тащить. Небось за перевозку больше пришлось бы заплатить, чем эта рухлядь стоит!

– Значит, вы с этой женщиной, с риелтором, не раз встречались? – уточнил оперативник.

– А я вам что говорю? Ясное дело, встречались.

– Очень хорошо! – искренне обрадовался Крячко. – Тогда скажите, пожалуйста, как ее зовут. И телефончик, если не трудно.

– Звать ее Настей. А фамилия... фамилия у нее какая-то простая... И даже известная... Нет, не помню. Подождите, я сейчас в договоре посмотрю, может, там есть.

Дверь снова закрылась, замок щелкнул, и Крячко остался один на площадке. Ждать ему пришлось довольно долго, но годы оперативной работы приучили полковника быть терпеливым. Наконец за дверью снова послышались шаги, дверь приоткрылась, и на пороге снова показалась хозяйка.

– Нет, в договоре ее фамилии нет, – сообщила она. – Там только этот Скобликов. Риелторша у меня на отдельной бумажке была записана, и телефон там же, а бумажку эту я выкинула.

– А может, у вас ее номер на вашем телефоне остался? – предположил Крячко. – Можно просто полистать назад...

– Хорошо, – согласилась женщина.

Спустя несколько минут она снова появилась у двери, на этот раз с телефоном в руке:

– Точно, остался он у меня, вот, записывайте, – и продиктовала полковнику десятизначный номер.

Сердечно поблагодарив осторожную хозяйку квартиры, Стас направился к лестнице, всем своим видом показывая, что больше ему в этом доме ничего не надо. Однако это было не так. Он собирался побеседовать еще и с соседями пенсионера Скобликова, с людьми, которые его много раз видели и знали. Правда, для этого требовалось сменить легенду, следовательно, разговаривать с бывшими соседями Скобликова по лестничной площадке прямо под носом у осторожной хозяйки скобликовской квартиры было нельзя – могла получиться накладка. Впрочем, опыт показывал, что не всегда лучшими информаторами являются соседи по лестничной клетке.

Крячко спустился на второй этаж и начал обходить расположенные там квартиры. На этот раз он представлялся двоюродным братом покойного пенсионера, огорченным его внезапной смертью и стремящимся узнать хоть какие-то подробности.

В первой квартире, куда он позвонил, на звонок никто не отозвался, во второй жили квартиранты, которые поселились здесь недавно и никого не знали, и лишь в третьей оперативнику улыбнулась удача. Дверь открыла старушка лет семидесяти – невысокая, худощавая, с румяным улыбчивым лицом. Такую сразу хотелось назвать «бабушкой». И этой бабушке Крячко не стал излагать свою легенду. Вместо этого представился, сказал, что он – из полиции и расследует загадочную смерть Павла Скобликова. Не может ли она что-нибудь рассказать о покойном?

– Как же не могу? Конечно, могу рассказать, – ответила бабушка. – Только что же мы будем в сенях стоять? Идемте в комнату, там и поговорим.

Вслед за старушкой Крячко прошел в комнату, обставленную очень бедно, но чистой и очень опрятную.

– Меня звать Зинаида Ивановна, а вас как? – спросила соседка.

– Станислав Васильевич, – назвался Крячко.

– Вы, Станислав Васильевич, вон туда, туда садитесь, а то эти-то стулья больно древние, вроде меня, а вы мужчина видный – они вас могут и не выдержать.

Стас сел на указанный стул, хозяйка примостилась напротив и принялась рассказывать:

– С Пашей мы знакомы лет сорок – с того времени, как он на Вере Тишкиной женился. А Вера была моя закадычная подруга. Мы с ней вместе в издательстве работали – она верстальщицей, а я линотиписткой. Знаете, что такое линотип? Такая громадная штука, которая текст набирает, чтобы строчки свинцовые получились. Из них потом верстальщики страницу сверстают – и готово, можно книжку печатать. Работа со свинцом очень вредная, нам молоко давали. Мне это молоко помогло – видите, какая я здоровая? – а Вере нет. Рак у ней был, от него и померла. Паша так о ней горевал, так убивался! Он сильно изменился после того, как Веры не стало. Так вот, о Паше. Вас ведь он интересует, я правильно поняла? А верно, умер он как-то странно. Не пособил ли ему кто? И деньги опять же пропали... Ведь он, Паша, так сильно не пил никогда, чтобы в луже утонуть. Я это все милиционеру-то говорила, который

после Пашиной смерти приходил. Специально в квартиру поднялась – к этим, которые на месте Паши теперь живут, – и рассказала.

– И что же он вам ответил? – спросил Крячко.

– Ответил, чтобы ступала я к себе и не мешала расследованию, что, когда ему будет нужно, он придет и все сам спросит. Только не приходил он ко мне.

– Значит, вы уверены, что Скобликов не мог так сильно напиться, чтобы упасть и утонуть в канаве? – уточнил Стас.

– Нет, мил-человек, никак такого быть не могло, – покачала головой старушка. – Он, конечно, это дело любил – к рюмке то есть приложиться, но меру всегда знал. У Веры в этом смысле особых проблем не было. Он еще говорил этак, с гордостью: «Павел Скобликов домой всегда на своих ногах приходит!»

– А вы не видели эту женщину, риелтора, которая помогала Скобликову квартиру продать? – поинтересовался оперативник.

– Как же не видела? Не раз видела, Настей ее зовут.

– А фамилию случайно не знаете?

– И фамилию знаю. Мне ее Паша как-то раз сказал, а у меня память цепкая – что раз услышу, все запоминаю. К тому же фамилия у нее известная, знаменитая, можно сказать, – Ключкова. Как у политрука, который в войну под Москвой панфиловцами командовал.

– А как она выглядит?

– Очень характерная дамочка. Волосы светлые – ну, понятное дело, – крашенные, кожа на лице сильно загорелая, словно только что с моря приехала. И бойкая ужасно! Не женщина, а прямо огонь. С ней пару раз мужчина приезжал, видный такой. Я-то сама его не видела, ничего о нем сказать не могу, это мне Паша рассказал. Но только знаешь, что тебе скажу, сынок? Не эта дамочка Пашу уговорила квартиру продать.

– А кто же? – подался вперед Крячко.

– Это та женщина, которая к Елизавете Кузьминичне ходит. Елизавета уже второй год не встает. А дочь с сыном живут отдельно, сидеть с матерью не могут. Или не хотят, не знаю. И вот они оформили документы, чтобы к Елизавете ходил социальный работник. Почти каждый день и приходит. Натальей ее зовут. Продукты носит, платежи за квартиру платит, лекарства покупает – в общем, все, как положено. Дело-то хорошее. Да только эта женщина, кроме своего дела, еще и квартирами интересуется. Про весь дом узнала, про всех жильцов. И особенно интересуется одинокими. Она и ко мне подъезжала – как у меня со здоровьем, да кто ко мне ходит, да не хочу ли квартиру продать. Но я ей сообщила, что у меня, слава богу, дочь есть, обо мне заботится, и квартиру продавать я не собираюсь. Ну, она и отстала.

– А фамилию этой Натальи вы случайно не знаете? – спросил Крячко.

– Нет, фамилию не знаю, – покачала головой старушка. – Да вам ее в районной службе скажут, где она работает. Служба тут неподалеку, на улице Казачьей расположена.

Крячко поблагодарил наблюдательную хозяйку квартиры за сведения, которыми она его снабдила, и распрощался.

Выйдя из дома, он узнал у прохожих, как пройти на улицу Казачью, и отправился разыскивать службу социальной поддержки, а отыскав, сразу направился в отдел кадров. Там он снова решил рискнуть и отступить от легенды – показал женщине, ведавшей кадрами, свое удостоверение, впрочем, не слишком его разворачивая. Как и рассчитывал Стас, кадровичка не стала вникать, где удостоверение выписано, не стала запоминать и фамилию владельца. Спрятав документ, Крячко сообщил, что расследует участвовавшие случаи нападений на пенсионеров, только что получивших пенсию, и в связи с этим ему надо опросить социальных работников, обслуживающих ближайšie дома. Кадровичка назвала ему четыре фамилии. Крячко списал номера домов, которые обслуживает каждая из четырех женщин, и номера их сотовых телефонов. Теперь он знал, что интересующую его особу зовут Наталья Куницына, знал

и номер ее телефона. Первое задание было выполнено, теперь можно возвращаться в штаб-квартиру, чтобы отчитаться о работе и продумать следующий этап расследования.

Дома у Оксаны никого не было – хозяйка убежала по своим журналистским делам. Крячко открыл дверь ключом, которым его предусмотрительно снабдила девушка. Пока Гуров отсутствовал, он решил заняться ремонтом душевой. Больше всего времени у него занял поиск нужных инструментов. Но наконец кое-что было найдено, а затем была устранена и течь. Так что к возвращению Гурова его напарник мог отчитаться не только о ходе расследования, но и о сделанном ремонте.

– Это хорошо, что ты течь устранил, – сказал Гуров, услышав сообщение Крячко. – Хоть чем-то Оксану сможем отблагодарить за гостеприимство. Ведь денег она с нас точно не возьмет. Ну а как основная работа? Или у тебя все силы ушли на замену прокладок?

– Почему же все? – возразил Крячко. – Кое-что и на расследование осталось.

И он рассказал другу о полученных сведениях.

– Таким образом, мы знаем фамилию риелтора, которая оформляла продажу квартиры Скобликова, – заключил свой отчет Крячко. – Несомненно, это та самая женщина, которая приходила и к Оксане, – все приметы совпадают. Знаем и фамилию социального работника, которая собирала первичную информацию и давала наводку риелтору. А как твои успехи?

– Ну мне тоже кое-что удалось, – ответил Гуров. – Второго риелтора зовут Григорий Евгеньевич Гришин. Муж с женой, которые живут в однокомнатной, его хорошо запомнили: худощавый, манеры мягкие, носит очки в золоченой оправе, говорит тихо. В общем, на первый взгляд – профессор, да и только. Однако хозяин квартиры признался, что впечатление этот «профессор» производит скорее неприятное: очень недоброжелательный, мелочный, и шуточки у него совсем не профессорские. Ездит, между прочим, на «Тойоте Камри».

– Машина не самая дешевая, – заметил Крячко.

– И машина не дешевая, и цепочку золотую на шее носит. Одним словом, человек не бедствует. Теперь давай подведем итоги. Мы установили троих членов предполагаемой банды. Скорее всего, эта твоя Наталья Куницына – не единственный соцработник в ее составе. Чтобы собирать первичную информацию, нужны еще двое-трое. Возможно, у них есть еще один-два риелтора, а может, только эти двое. Если они люди энергичные, вполне могут успеть обслуживать все криминальные сделки.

– Как мне описали эту Настю, женщина она чрезвычайно энергичная, что называется, на ходу подметки рвет.

– Значит, этих двоих хватает, – кивнул Гуров. – Теперь нам нужно установить фирму, в которой они работают. С высокой вероятностью можно предположить, что директор фирмы окажется главарем банды.

– Может быть и по-другому, – возразил Стас. – Директором может оказаться подставной человек, который формально ни к чему не причастен, а главарь – где-то в стороне.

– Да, знаем мы и такие схемы, – согласился Гуров. – В любом случае нам нужна фирма.

– Давай я схожу в регистрационную палату, – предложил Крячко. – Скажу, что мне нужна риелтор Настя Ключкова. Мол, квартиру хочу продать, а знакомые ее рекомендовали. Там ее наверняка знают. И телефон дадут, и название фирмы.

– Идея, конечно, богатая, только надо быть готовым к тому, что эта самая Настя может оказаться где-то рядом, и твое знакомство с ней состоится раньше, чем ты этого хотел бы, – задумчиво проговорил Лев.

– Ну и отлично! Что же тут плохого?

– А то, что она тут же к тебе пристанет: какая квартира? Где? Предложит ехать ее смотреть... Ты же сам говорил, что эта дама на ходу подметки рвет. В таком случае надо иметь

правдоподобный вариант с квартирой и хоть немного знать город. А мы его совсем не знаем. И вообще, я считаю, чем позже фигуранты этого дела узнают о нашем существовании, тем лучше.

– Да, тут есть закавыка... – согласился Крячко. – Надо придумать что-то другое...

Тут в прихожей хлопнула входная дверь, послышался стук каблучков, и в дверях появилась Оксана.

– А, вы уже тут, – сказала она, на ходу сбрасывая пальто. – Все сведения уже собраны? Идет составление нового плана?

– В общем, да, – подтвердил Гуров.

– А в чем трудность? Я по вашим лицам вижу, что у вас какое-то препятствие.

– Да, есть некоторое затруднение, – согласился Крячко. И изложил ситуацию, связанную с установлением названия фирмы.

– Тут нет никаких проблем, – заявила Оксана, выслушав его рассказ. – Просто в регпалату надо идти не вам, а мне.

– Еще чего не хватало! – воскликнул в сердцах Лев. – Так я и знал, что тебе захочется в сыщиков поиграть! А тут не игра, тут смертельно опасное дело!

– Пока что ничего опасного нет, – спокойно ответила на это Оксана. – Чтобы наводить справки о Насте, вам надо разработать хорошую легенду, а мне никакой легенды не требуется – вот она, моя квартира. Даже не надо придумывать, почему мне нужна именно эта Ключкова в качестве риелтора – ведь она же сама на меня выходила. Надо просто сказать, что я передумала и теперь решила свой дом продавать. Вот и все. Так я узнаю и фирму, в которой она работает, и телефон.

– Хорошо, а дальше? – не сдавался Гуров. – Действительно будешь дом продавать?

– А почему бы и нет? – пожала плечами девушка. – Мне эта развалюха порядком надоела, если честно. До центра далеко, зимой холодно, в душе вода стоит...

– Уже не стоит, – поправил Крячко. – Я починил.

– Правда? – удивилась Оксана. – Вот спасибо! Но сути дела это не меняет. Я бы сменила эти свои апартаменты на «однушку» поближе к центру. Так что мы с Настей вполне можем совершить реальную сделку.

– Ага, чтобы тебя тоже нашли утонувшей в канаве! – воскликнул Гуров.

– Совершенно необязательно, – возразила ему Оксана. – Не может быть, чтобы все сделки, совершаемые этой Ключковой, заканчивались трупам. Наверняка есть и обычные акты купли-продажи, когда участники остаются в живых, иначе бы эта контора просто не могла существовать.

– Что ж, пожалуй, Оксана права, – заметил на это Крячко. – Рассуждение здравое.

– И потом, если мне не захочется продавать дом, что мешает остановиться на любой стадии? – продолжала приводить свои аргументы Оксана. – Могу по-простому заломить за свои дрова такую цену, на которую никто не клюнет, и тогда Настя сама от меня отстанет. Даже не догадается, что я ее разыскала не просто так, а как-то связана с вами. Так что риска никакого нет. Другие же варианты, которые вы придумаете, связаны с риском.

Некоторое время Гуров обдумывал слова девушки, расхаживая по комнате из угла в угол. Затем махнул рукой и сказал:

– Ладно, бес с тобой! Пусть будет по-твоему. Сходишь в палату, узнаешь фирму, где эта Настя работает. Но и только! Больше никакой самостоятельности, понятно?

– Есть, гражданин начальник! – четко ответила девушка. – Никакой самостоятельности! – А затем, снова став серьезной, предложила: – Так что, давайте сядем и все обсудим подробно?

Глава 6

Откладывать визит в регистрационную палату Оксана не стала. Она была немного знакома с обычаями этого учреждения и знала, что после обеда сделки не оформляются, идет только прием документов, и количество посетителей значительно меньше. Вот и решила этим воспользоваться, чтобы навести нужные справки.

Гуров заявил, что он и Крячко будут ее сопровождать.

– Зачем? – удивилась девушка. – Я же сказала: риска никакого нет и охрана мне не нужна.

– А мы не тебя охранять поедем, – объяснил Гуров. – Мы попробуем отыскать ту рюмочную, где покойный Скобликов пил пиво, и поговорить там с народом. Надо попробовать установить личность «приятеля», который находился тогда со Скобликовым. А это заведение, как я понял, находится рядом с палатой, так что нам по дороге.

Против этого Оксана не нашла что возразить, и Крячко пошел заводить свой «Форд». Спустя полчаса все трое были уже возле дверей регистрационной палаты, где расстались: Оксана вошла в палату, а сыщики приступили к поискам рюмочной.

Впрочем, эти поиски не слишком затянулись: буквально первый спрошенный прохожий не только указал им, в какой стороне расположено столь нужное заведение, но и подробно описал, как туда пройти. Идти оказалось недалеко. Вскоре сыщики, спустившись по ступенькам, вошли в рюмочную.

Они оказались в помещении с низким потолком, в котором стояло шесть столов со скамьями, кроме того, по углам виднелись еще круглые столики, возле которых можно было расположиться стоя. День близился к вечеру, и рюмочная испытывала наплыв посетителей: все столы были заняты.

Однако сыщики не собирались располагаться за столами. Они сразу направились к стойке, за которой стояла барменша – грузная женщина с цепким взглядом.

– Добрый вечер! – приветствовал ее Гуров. – Это у вас всегда столько народу? Прямо не протолкнуться...

– После обеда народ всегда идет, – ответила барменша. – Хорошо еще, стоячие места есть, а то и эти бывают заняты. А вы вон там располагайтесь у окна – место хорошее. А если посидеть хотите, то подождите вон ту компанию, что в углу, – они скоро уйдут.

– Это они вам сами сказали? – поинтересовался Крячко.

– Мне говорить не надо, – объяснила хозяйка прилавка, – я и так все вижу. Что за человек, есть ли у него деньги, сколько просидеть собирается.

– Очень ценное качество при вашей профессии, – похвалил Гуров. – Наверное, у вас и память хорошая?

– Да не жалуюсь. А что?

– Если у вас хорошая память, то вы, вероятно, помните своих посетителей. Например, вот этого мужчину. – И он положил на стойку фотографию пенсионера Скобликова.

Барменша не стала ее разглядывать, вместо этого она с недоверием уставилась на Гурова и спросила:

– А что это вас мои посетители интересуют? Вы из милиции, что ли?

– Ну если бы сказали, что мы из страховой компании, вы бы, наверное, не поверили, – ответил вместо Льва Крячко, доставая свое удостоверение. Как и утром, он не стал его тщательно разворачивать и давать читать, только показал. На лице хозяйки прилавка появилось колебание: видимо, она хотела изучить документ поближе, однако озвучивать это желание не стала. Склонилась над фотографией погибшего пенсионера, потом подняла голову и произнесла:

– Ну да, был он здесь. Недели две назад был. Да ведь только ваш товарищ уже приходил, о нем спрашивал. Я все тогда рассказала.

– Да, мы в курсе, – ответил Гуров. – Но родственники погибшего подали жалобу, что мы дело по факту его смерти не возбудили. Настойчивые люди оказались. Вот приходится проводить повторную проверку – как будто у нас других дел нет! Вы тогда сказали дознавателю, что этот пенсионер был не один, а с каким-то знакомым. Правильно?

– Да, все так, – подтвердила барменша. – Они вдвоем приходили. Вон за тем столиком сидели.

– И долго сидели? – поинтересовался Крячко.

– Да прилично. Часа два, наверное.

– Выпили много?

– Нет, не скажу, чтобы очень много, – покачала головой женщина. – Кружки по три, самое большее – по четыре. У меня тут люди и по восемь берут, и по десять. Так что эти скромно приняли.

– А кто был этот приятель, с которым пришел Скобликов? – спросил Гуров. – Вы его раньше видели?

– Может, и видела. Тут рядом регпалата, оттуда много народу ходит, риелторы, маклеры всякие. Так что одни и те же люди мелькают. Да, мне показалось, что я этого приятеля уже видела.

– А вы сможете описать его? – попросил Лев.

– Почему же не смогу? Мужчина среднего роста, в годах – лет ему, наверное, под шестьдесят, но не больше. Волосы не черные, но и не седые – вроде шатена. Лицо такое остренькое, на лисье похоже. И все время улыбается. Когда с этим разговаривал, – кивнула она на фотографию Скобликова, – тоже все время улыбался.

– А вышли они вместе? – уточнил Крячко.

– Да, пили вместе и вышли вместе, – кивнула барменша.

– Большое вам спасибо, – поблагодарил ее Гуров.

Больше делать в рюмочной было нечего, и сыщики направились к выходу. Но не успели дойти до двери, как она распахнулась, и в зал стремительно вошла Оксана.

– А, вы все здесь дегустируете, а я свою часть работы уже выполнила! Можно сказать, почти заключила сделку!

– Ладно, на улице расскажешь, – прервал ее Гуров, заметив, что барменша внимательно прислушивается к их разговору.

Втроем они вышли на улицу, и Оксана сообщила:

– Вы были правы насчет этой Насти – она действительно оказалась рядом, у окошка, где сдают документы. Едва я о ней спросила у регистраторши, как та развернулась и позвала ее.

– И что? Она вас узнала? – спросил Крячко.

– Сразу же! – подтвердила девушка. – «А, – говорит, – старая клиентка! Что, надумала?» Ничего не поделаешь, пришлось сказать, что да – мол, обстоятельства изменились, и теперь я решила дом продавать. Она сказала, что все данные по моему дому она сохранила, и как он выглядит, помнит, так что смотреть второй раз ей его не надо. Уже сегодня она выставит его на сайте своей фирмы, а завтра даст объявления во все газеты и в Интернет. Так что я должна быть готова к визитам будущих покупателей. И о цене поговорили, и о ее вознаграждении – словом, решили все вопросы.

– Так что за фирму представляет эта Анастасия Ключкова? – спросил Гуров.

– Фирма называется «Авангард», – ответила Оксана. – Название это мне ничего не говорит, я раньше с ней не сталкивалась.

– Стало быть, фирма малоизвестная, – заключил Крячко. – Надо теперь подумать, как узнать фамилию их директора...

– Ничего вам думать не надо, – заявила на это Оксана, и в ее голосе прозвучало торжество. – Ведь у вас есть я! А у меня есть знакомые в торгово-промышленной палате, которые ведут реестр всех предприятий, действующих на территории области. Я позвонила Диме – он в палате как раз с этим реестром работает – и попросила «прозвонить» этот самый «Авангард». И знаете, кто его возглавляет?

– Нет, конечно, – признался Гуров.

– Директором этой конторы является некто Олег Русланович Басюк. Понятно, что вам эта фамилия ничего не скажет, мало того, она и многим жителям Залежинска неизвестна. Но те, кто заглядывает в наши коридоры власти, знают, что Олег Басюк – брат начальника областного УВД Леонида Мартыновича. Правда, не по отцу, а по матери, поэтому и фамилии у них разные.

– Ах, как интересно... – задумчиво протянул Гуров. – Да, это действительно ценные сведения...

– Получается, что теперь мы знаем всю цепочку этой банды, – обрадовался Крячко. – По крайней мере, ее основные звенья. Внизу находятся социальные работники – уже известная нам Наталья Куницына, а с ней еще несколько человек. Затем следуют риелторы – Анастасия Ключкова, Григорий Гришин и, возможно, кто-то еще. Возглавляет фирму, а заодно и банду, Олег Басюк. А прикрывает их деятельность родной брат жоака Леонид Мартынович. Нам останется установить только фамилии киллеров, исполнителей убийств, – и дело раскрыто.

– Все правильно, но ты забыл еще одну мелочь – собрать доказательства, – заметил Гуров. – Причем улики должны быть совершенно неопровержимые. Так что нам надо будет проделать не только свою оперативную работу, но еще потрудиться и за следователей. И учти – помогать нам здесь никто не будет.

– Почему же никто? – возразила Оксана. – Я вот помогаю, Александр Дмитриевич уже помог и еще поможет. Потом этот... уполномоченный по правам. Может, и еще кто-нибудь найдется.

– Оксана права, – сказал Крячко. – Мы не должны замыкаться только на себя, отказываться от помощи местных. Вспомни, Соболев называл нам еще какого-то лейтенанта, на которого можно положиться.

– Что вы на меня накинулись? – удивился Гуров. – Я и не говорил, что мы все сами собираемся делать. Я только хотел сказать, что нам не помогут местные правоохранительные структуры – полиция, прокуратура, следственный комитет. И вообще мы не о том говорим. Надо выработать программу по сбору доказательств. В частности, у нас должны быть доказательства того, что начальник здешнего УВД причастен к убийствам.

– Проще всего было бы поймать этих ребят с поличным, – задумался Крячко. – Так сказать, при совершении...

– Я тоже об этом подумал, – признался Гуров. – Нам надо провести операцию под кодовым названием «Подсадная утка». Помнишь, в Оренбурге мы проводили нечто похожее?

– Да, там все отлично получилось! – воодушевился Стас. – Только ведь там нам местная полиция помогала... И «утка» была оттуда, из местных полицейских...

– Да, использовать гражданских нехорошо, – согласился с ним Лев. – А мы с тобой на роль «утки» не годимся...

– Значит, вам надо познакомиться с лейтенантом, о котором говорил уполномоченный по правам человека! – воскликнула Оксана. – Может, он кого-нибудь подскажет. А если нет – роль «утки» сыграю я.

– Так я и знал, что тебя на подвиги потянет, – с досадой произнес Гуров. – Обязательно тебе захочется, чтобы тебе голову проломил! Нет, этому не бывать! Заруби себе на носу! И потом, какая из тебя «утка»? Ведь бандитов интересуют пожилые, которых все забыли. А у тебя – ты сама признавалась – от визиток сумка лопается.

– Да, это верно, – согласилась Оксана. – Я об этом как-то не подумала. Но тогда... Тогда у нас еще есть Тарас Григорьевич!

– Какой еще Тарас Григорьевич? – спросил Гуров.

– Ну как же! – с энтузиазмом продолжала Оксана. – Тарас Григорьевич Козенко, узник ГУЛАГа. Вам Александр Дмитриевич наверняка про него рассказывал.

– Верно, рассказывал, – был вынужден согласиться Лев. – А Соболев отсоветовал с ним дело иметь. Нет, уж лучше мы спросим совета у этого лейтенанта. Где там я записал его телефон...

Глава 7

Лейтенант Петр Строев откликнулся на звонок Гурова сразу.

– Да, Строев слушает, – услышал Лев в трубке. – Кто говорит?

– Меня зовут Лев Иванович, – представился Гуров.

– Вас понял, – отозвался лейтенант. – Я вам перезвоню, ждите.

И телефон замолчал.

– Конспирацию соблюдает, – хмыкнул Гуров. – Видно, рядом люди, и он не хочет, чтобы наш разговор кто-то слышал. Будет позже перезванивать. Давайте пока решим, где нам с ним встречу назначать.

– А что тут решать? – удивилась Оксана. – У меня, конечно.

Гурову этот вариант не очень нравился, но ничего более удобного он придумать пока не мог, поэтому вынужден был согласиться:

– Ладно, пусть будет у тебя. Тогда поехали, что ли, на нашу «конспиративную квартиру». Все равно день кончился, сегодня больше ничего делать не будем.

Они направились к тому месту, где Крячко оставил машину. И, пока они шли, в кармане у Гурова зазвонил телефон. Это был лейтенант Строев.

Гуров объяснил ему, что лейтенанта порекомендовал бывший начальник областного УВД. Он хотел еще добавить, для чего им надо встретиться, но Строев его прервал:

– Мне Андрей Васильевич о вас рассказывал, так что я в курсе. Скажите, куда подъехать.

– Это в Заводском районе, – ответил Гуров и назвал адрес Оксаны.

– Хорошо, через полчаса буду, – пообещал лейтенант.

И действительно, едва они успели добраться и поставить машину во двор, как послышался стук в окно.

– Я смотрю, у вас в Залежинске все сигналы идут через окна, – пошутил Лев.

– Да нет, просто опытный человек пришел, сразу видит, что звонка нет, – улыбнулась Оксана и пошла открывать.

Спустя несколько минут в комнату вошел высокий худощавый парень в милицейской форме.

– Петр Строев, – представился он оперативникам.

Гуров и Крячко тоже назвали себя, после чего Лев предложил гостю сесть.

– Мне Андрей Васильевич только в общих чертах рассказал об этом деле, из-за которого вы сюда приехали, – начал лейтенант. – Если хотите, чтобы я вам помог, мне надо в нем лучше разобраться. Может, расскажете поподробней?

– Конечно, – кивнул Гуров. – Введем вас, так сказать, в курс дела.

И он коротко, не вдаваясь в детали, рассказал об убийстве Скобликова, о гибели Гилязова и еще двух случаях, о которых им сообщил Новиков.

– Мы пришли к выводу, что это никакие не несчастные случаи, – заключил Лев, – и что у вас в Залежинске действует хорошо организованная банда, работающая под видом риелторской конторы. Не исключено, что банда действует уже несколько лет, и на ее совести не четыре жертвы, а гораздо больше. Сегодня нам удалось узнать имена риелторов, состоящих в этой банде, и фирму, в которой они работают. Теперь перед нами самая сложная задача – собрать улики, изобличающие преступников. Причем сделать это надо, не прибегая к помощи местной полиции. Во всяком случае, официально, потому что у нас есть подозрения, что бандиты сращены с местными правоохранительными органами.

– Понятно, – произнес лейтенант. – Хочу сказать, что вы прямо в точку попали. Я уже некоторое время назад догадался, что с нашим руководством не все чисто. Некоторые дела – совершенно ясные, готовые для передачи в суд, – вдруг закрываются. И наоборот – из мелких

нарушений, которые в лучшем случае на штраф тянут, вдруг начинают раздувать громкое дело. В районных отделах за последний год появилось несколько странных личностей. В полиции раньше не служили – кто юрисконсульт был, кто адвокатом. И вдруг они начинают быстро продвигаться по служебной лестнице. В общем, противно стало у нас работать. Противно – и опасно. Так что приехали вы как раз вовремя. Теперь скажите, как вы собираетесь добыть эти убойные улики?

Гуров и Крячко переглянулись, после чего Лев сказал:

– Мы хотим провести операцию, которую можно назвать «Подсадная утка». Человек, который будет играть эту роль, свяжется с одним из «черных риелторов» и скажет, что хочет продать свою квартиру. Естественно, этот человек по всем параметрам должен подходить под тот типаж, который предпочитают бандиты: быть пожилым, одиноким, не иметь родных и друзей. Мы будем следить за оформлением этой сделки. А в решающий момент, когда бандиты заманят свою жертву в глухое место, и в дело будут готовы вступить киллеры, мы их задержим. Возьмем всех с поличным.

– Понятно, – вновь сказал лейтенант. Как видно, это у него было любимое слово. – Интересный замысел! Я раньше о таких операциях только слышал, поэтому с удовольствием приму участие и окажу вам любую помощь, какую только смогу. А скажите, человека на роль «утки» вы уже выбрали?

– Нет, такой кандидатуры у нас нет, – признался Гуров. – Вернее, есть один человек, но нас он по некоторым причинам не очень устраивает. Мы с тобой насчет кандидатуры хотели посоветоваться. Может, подскажешь кого?

Лейтенант Строев задумался.

– Пожилых людей я по роду службы знаю не слишком много, – признался он. – А близких знакомых, которых можно попросить о такой услуге, и вовсе нет. Дело-то непростое... Вот родители у меня пожилые, но их я точно рекомендовать не буду. А что за человек, которого вам называли? И почему он вам не подходит?

– Есть у вас здесь такой бывший узник лагерей, Козенко его фамилия. Нам его рекомендовал правозащитник Александр Новиков, а теперь еще и Оксана. А не нравится он нам потому, что Андрей Васильевич Соболев не слишком лестно о нем отозвался, дескать, болтает этот бывший узник слишком много.

– Да, слышал я об этом Козенко, личность довольно известная. Бузотер, каких мало. Вечно жалобы подает: то нам в полицию, на людей, которые машины в неположенном месте ставят и мешают проходу пешеходов, или на предпринимателей, которые своим работникам зарплату вовремя не платят, то на нас – что милиционер, допустим, курит на улице. Задерживали его несколько раз за участие в разных шествиях и пикетах...

– То есть ты тоже считаешь, что человек он ненадежный? – спросил Гуров.

– Нет, так я не скажу, – покачал головой Строев. – Вздорный немного, это да, а насчет надежный или ненадежный – этого не знаю. И потом, знаете что? Он ведь много лет в лагерях провел, верно? А там, я от разных людей слышал, ненадежные не выживают. Так что в основном он, скорее всего, не подведет, а вот мелочь какая-нибудь... ее он может и забыть. Но в таком деле мелочей нет, тут все важно. Я прав?

– Да, пожалуй, что и прав, – согласился Лев. – И что же нам в таком случае делать? Рекомендации ты этому Козенко не даешь, но и не отвергаешь его как вариант. А другой кандидатуры у нас нет.

– Знаете что? – вступила в разговор Оксана. – Давайте я вас все-таки познакомлю с Тарасом Григорьевичем. Вы на него посмотрите, там уже и решите сами – стоит ему доверять или нет. Если решите, что не стоит, – ничего говорить не будете. Чтобы объяснить свой визит, спросите, что он думает про местных правоохранителей. Тут он многое может рассказать... А вдруг решите, что он вам подойдет?

– Что ж, как видно, другого выхода нет, – согласился Гуров. – Придется знакомиться с этим твоим бывшим узником.

– Хорошо, а я что должен делать согласно вашему плану? – спросил лейтенант Строев.

– Во-первых, нам может понадобиться срочно что-то узнать, – начал объяснять Гуров, – причем не привлекая внимания. Во-вторых, желательно иметь своего человека среди местной полиции – чтобы узнать, не пронюхали ли там о нашем приезде. А в-третьих, нам обязательно нужен местный полицейский в момент задержания бандитов. И хорошо бы найти еще честного человека в местном следственном управлении – чтобы помог оформить арест и поместить задержанных в СИЗО.

– То есть вы собираетесь втроем задержать целую банду убийц? – уточнил лейтенант.

– Вообще-то мы надеемся сделать это вдвоем с полковником Крячко, – ответил Лев. – Тебя хотим привлечь лишь в самом конце. Но если ты того... опасаясь, то не будем. Поможешь только документы оформить.

– Да я не о том! – обиженно воскликнул Строев. – Я не боюсь! Если хотите знать, я в десантных войсках служил! Я о том, что по нормам положено при задержании иметь двойное превосходство в силах...

– Ну, это да, – кивнул Лев, – положено. Но что тут поделаешь – нет у нас такого превосходства. Зато у нас с полковником Крячко имеется большой опыт задержания преступников без всякого превосходства в силах. Ладно, я тебя понял: ты согласен. Тогда будем держать связь по телефону. Или, если нельзя сказать по телефону, приезжай сюда.

– По телефону не всегда удобно, – возразил лейтенант, – а сюда далеко. Давайте еще одну точку выберем, ближе к центру. Есть такое кафе «Закуска» на Советской улице, там шоферы обычно обедают. Место удобное: зал большой, народу полно, шум стоит, так что можно поговорить, не привлекая внимания.

– Хорошо, будем иметь в виду твою «Закуску», – сказал Гуров. – А сейчас мы поедим в гости к этому Козенко. Не поздно будет для визита? – спросил он, повернувшись к Оксане.

– Нет, не поздно, – махнула рукой девушка. – Тарас Григорьевич у нас полуночник вроде меня.

– Тогда едем, – решил Гуров и, вновь обращаясь к лейтенанту, предложил: – Если тебе по дороге, можем подбросить.

– Что ж, не откажусь, – согласился Строев. – Значит, это ваша машина во дворе стоит?

– Это полковника Крячко личный экипаж.

– Лучше вам его как-нибудь... сменить, – заметил лейтенант.

– Это почему же? – удивился Крячко.

– Номера больно приметные, – объяснил Строев. – Московские. Стоит только нашим волкам прознать, что кто-то из Москвы приехал их ловить, как они сразу все московские номера будут на заметку брать. И вас вычислят за один день.

– А ведь он верно говорит! – добавила Оксана. – Тут ведь еще какой момент есть? Мой обмен!

– А при чем тут ваш обмен? – спросил Крячко.

– Ну как же! Стоит только этой Насте ко мне во двор зайти, как она первым делом увидит, что кто-то в гости из Москвы приехал. И если, как Петр сказал, пойдет какой-то слух, что по их душу москвичи приехали, она тут же заподозрит, что это вы и есть.

– Да, это, пожалуй, верно... – согласился Гуров. – И что же делать?

– Хотите, я вам местные номера достану? – предложил Строев. – Мне это нетрудно. Попрошу своего друга Андрюшу Куликова из городского управления. У него сейчас «жигуленок» на капремонте стоит, и еще неделю стоять будет. Попрошу его на эту неделю одолжить мне номера. Недельку проездить можно. Или повесите под стекло листок с временными номерами.

– Да, но первый же инспектор, который меня остановит, сразу все просчет, – заметил Крячко. – И тогда заберут меня, как миленького, за подделку номеров. А может, и за угон.

– Ну тогда надо ставить ее на прикол, – заключил лейтенант. – Причем так, чтобы она внимания не привлекала.

– Поставить, чтобы внимания не привлекала, штука нехитрая, – сказал Гуров. – Для этого достаточно взять первое же объявление об аренде гаража, заплатить хозяину – и ставь. И это надо сделать завтра же, прямо с утра. А вот насчет номеров... Прямо не знаю, как быть...

– Если уж дело такое безвыходное, могу вам свою «семерку» отдать, – предложил лейтенант. – Она у меня новенькая, всего два месяца как купил. Дам вам документы – и ездите себе на здоровье. Тем более что сейчас даже доверенность не нужна.

– Но ведь ты ее покупал, наверное, не затем, чтобы разбить? – спросил Гуров. – А мы на машине не на пикник поедем, сам понимаешь. Когда мы за бандитами будем следить, а когда они за нами гнаться. Всякое может быть. Нет, такое одолжение я у тебя принять не могу. Давай лучше номера. Мы пока ими не воспользуемся – пусть лежат, а там видно будет.

– Хорошо, я завтра позвоню, и можете забирать, – пообещал Строев.

– Что ж, значит, договорились, – заключил Гуров. – Тогда едем, что ли?

Глава 8

К дому, где обитал бывший заключенный, а ныне борец за торжество законности Тарас Козенко, оперативники подъехали уже близко к полуночи. По дороге они еще сделали небольшой крюк, чтобы завезти домой лейтенанта Строева, заодно посмотрели пятиэтажку, где он живет, узнали адрес.

Тарас Козенко жил действительно недалеко от центра города. Но поскольку район, где он обитал, находился по другую сторону от пересекавшего город большого оврага, он считался непрестижным и был застроен в основном старыми купеческими домами в два-три этажа. В одном из них, на втором этаже старого двухэтажного кирпичного дома, и жил бывший заключенный.

– Вон, видите, окна светятся? – сказала Оксана, когда Крячко остановил машину. – Это его. Как видите, я правду говорила: Тарас Григорьевич не спит. В Интернете, наверное, сидит.

– В Интернете? – удивился Гуров. – Никогда бы не подумал! В его-то возрасте...

– Ну, вас тоже молодым не назовешь, – заметила Оксана, – но ведь вы Интернетом, я думаю, пользуетесь?

– Конечно, пользуюсь, – ответил Гуров. – Но у меня этого работа требует, а от человека с его биографией я не ожидал...

– И напрасно, – отрезала девушка, которая, видимо, обиделась за своего знакомого. – Тарас Григорьевич – человек не только общительный, но и очень передовой. Да вы сами увидите.

Они вошли в подъезд. Это оказалось нетрудно – дверь стояла нараспашку. Света здесь не было. В тусклом свете уличных фонарей сыщики с трудом разглядели деревянную лестницу со стертymi ступенями, которая вела на второй этаж. Тяжелый Крячко с опаской ступал по дряхлым ступенькам, которые пронзительно скрипели под ним.

На площадке второго этажа свет все-таки был – здесь висела слабенькая лампочка. На площадку выходили три двери. Оксана подошла к одной из них и уверенно постучала.

– А звонка нет, что ли? – спросил Крячко.

– Тарас Григорьевич звонок не признает, – объяснила Оксана. – Он говорит, что звонок обезличен, у него своего лица нет. А у стука есть. И по стуку он всегда узнает, кто пришел. Единственно, стучать надо громче – он в комнате сидит, и если увлечется, то не сразу услышит. – И она забарабанила в дверь еще раз, уже сильнее.

Как видно, ее услышали: послышались шаги, звук сдвигаемого засова, и дверь распахнулась. На пороге стоял высокий человек, сложением напоминавший борца-тяжеловеса. В тусклом свете лампочки его лицо нельзя было толком разглядеть, кроме окладистой черной бороды.

– Так я и думал, что это ты, Оксаночка! – воскликнул хозяин. – Хорошо, что навестила! Да не одна, гостей привела! Заходите, заходите, гостям я всегда рад!

Вслед за девушкой оперативники вошли в прихожую.

– Вот, Тарас Григорьевич, знакомьтесь, – сказала Оксана. – Это Лев Иванович Гуров, а это Станислав Сергеевич Крячко. Они из Москвы. Приехали сюда по одному важному делу, и им требуется ваша помощь.

Гуров подал руку хозяину. Ладонь у него была под стать росту, а жесткостью напоминала лопату.

– Рад знакомству, – сказал он. – А раз прибыли по делу, к тому же, если помощь требуется, тогда еще лучше. Проходите в комнату, а я сейчас чайник поставлю.

– Может, не надо беспокоиться? – заикнулся было Гуров. – Время позднее, да и пришли мы ненадолго.

– Надолго ненадолго, а без чая какой разговор? – ответил на это хозяин, удаляясь в глубь квартиры – видимо, на кухню.

Оперативники вслед за Оксаной вошли в комнату. Это было просторное помещение, и оно казалось еще просторнее из-за высоких потолков и малого количества мебели: здесь стояли только кровать, шкаф да огромный стол почтенного возраста. Большую часть стола занимал компьютер с монитором и звуковыми колонками, но сбоку была застелена клеенка. Скорее всего, здесь и предполагалось чаепитие.

Когда гости уселись, появился хозяин с чайником в руках.

– Кипяток у меня почти готовый был, – сказал он, – а чай мы сейчас свежий заварим.

Оксана взялась ему помогать, и вскоре на столе появились простенькие чашки, сахарница, тарелка с сухарями и блюдец с вареньем.

– У нас к вам действительно важное дело, – начал Гуров, но хозяин прервал его:

– Нет-нет, пока чай не разолью, никаких дел. Вот, вам как – покрепче или послабее?

– Можно и покрепче, – кивнул Лев.

– Это правильно! – одобрил Козенко. – А то некоторые говорят: «Вы, Тарас Григорьевич, мне чуть-чуть плесните, а то я за печень боюсь. Или за цвет лица». Ну что это такое? Это значит, человек в чае ничего не понимает, только напрасно замечательный продукт переводит. А если этот человек в чае не понимает – может, он и во всем остальном такой же знаток? Это, знаете, много о человеке говорит... Чай, он и должен быть чаем...

С этими словами он налил Гурову крепчайшего, но при этом янтарно-прозрачного напитка. По комнате разлился характерный аромат. Гуров понял, что хозяин действительно умеет заваривать чай.

Наконец чай был разлит по всем чашкам, и ничто больше не отвлекало от разговора.

– Я хочу, чтобы у нас была полная ясность, – начал Гуров. – И я, и мой друг работаем в полиции, в Министерстве внутренних дел. И прибыли мы в Залежинск, чтобы расследовать ряд преступлений, которые здесь были совершены. Именно в связи с этим расследованием нам и потребовалась ваша помощь.

Произнеся эту тираду, он внимательно посмотрел на хозяина, ожидая его реакции. По опыту он знал, что люди, побывавшие в заключении, как правило, неохотно идут на сотрудничество с сотрудниками милиции – ныне полиции. Даже если не были причастны к воровскому миру и сидели безвинно, они все равно проникаются понятиями «блатных». Поэтому была вероятность, что хозяин квартиры сразу откажется от совместной работы, и вся их затея пойдет насмарку.

Однако Тарас Козенко высказываться не спешил. Он с видимым удовольствием сделал один глоток чая, второй, поставил чашку на стол и только тогда произнес:

– Надо бы послушать, о чем речь идет. Если люди банк ограбили или магазин ювелирный, то тут я вам помочь не смогу. Дело это, конечно, нехорошее, но никто от такого воровства сильно горевать не будет. Ни банкиры, ни ювелиры по миру нищими не пойдут. Те, которые во власти сидят, и похуже вещи делают. А вот если речь идет о злодействе каком, и вы приехали с ним бороться, то тогда я вам помогу.

– Речь идет именно о злодействе, – ответил Гуров. – Группа бандитов уговаривает пожилых людей вроде вас продавать свои квартиры, а затем убивает их и забирает деньги. Мы знаем о четырех таких убийствах, хотя их может быть и больше. И эти бандиты, скорее всего, имеют своих людей в местной полиции и прокуратуре. Поэтому их преступления не расследуются.

– Так вот вы о чем! – воскликнул хозяин. – Вот вы зачем приехали! Что ж вы сразу не сказали?! – От его спокойствия не осталось и следа. Тарас Козенко распрямылся, забыв про чай, борода его воинственно задралась вверх. – Слышал я о таких кровопийцах, слышал! Ходят среди народа такие разговоры! Что старики продают квартиры, а потом исчезают. И никто этим

не интересуется, и спросить некого. Такими вещами настоящие беспредельщики занимаются! И против них – я вам союзник!

– Вот и хорошо! – обрадовался Лев. – Сейчас я вам изложу суть дела.

– Да, я помогу, – не слушая его, продолжал хозяин. – Я кое-что об этом знаю. Имена мне, правда, не называли, но я могу порасспросить кое-кого. Ведь ко мне за советом самые разные люди ходят. Кому жалобу составить надо, кому справку получить. У них, у пиявок наших, что во власти сидят, ведь ничего просто так не узнаешь. А я в Интернет зайду – и там все выясню. Так что знакомства у меня обширные. Порасспрошу кого надо и дня через два предоставлю вам наковки – где, значит, этих бандитов надо искать.

– Нет, вы не так нас поняли, Тарас Григорьич, – покачал головой Гуров. – Искать бандитов не требуется – мы их уже нашли. Не всех, конечно, но многих. Теперь перед нами стоит другая задача – собрать достаточно улики, чтобы отправить их под суд. И чтобы ни один адвокат, даже самый дошлый, не смог это дело там развалить. Вот для этого нам и нужна ваша помощь.

– Улики? – переспросил Козенко. Видно было, что он находится в растерянности. – Тут я меньше понимаю. Но вы объясните, глядишь, и пойму. Какая помощь от меня требуется?

– Помощь вы можете оказать очень большую, – сказал Гуров. – Но дело это нелегкое, и решиться на него сложно. Мы хотим, чтобы вы продали вашу квартиру.

– Как продал?! Вот эту? Да у меня это все, что есть! Куда ж я без нее? А для чего? – от волнения даже вскочил с места хозяин.

– Чтобы поймать убийц с поличным, – ответил Гуров. И рассказал бывшему заключенному о том, как действовали «черные риелторы», и о том, как они с Крячко задумали их поймать.

Козенко внимательно слушал, даже о чае забыл. Когда Гуров закончил свой рассказ, он еще некоторое время сидел в задумчивости, затем произнес:

– То, что вы задумали, – дело стоящее. Очень стоящее. Ведь такие гады эти риелторы! Так людей обманывать! И кого?! Старых, беззащитных... Да, ради такого дела можно многим пожертвовать. Что ж, если так, то я готов. Давайте пускайте мою хату на продажу, а я себе какой-нибудь угол найду. Найду, точно! Вон у меня сколько знакомых, сколько людей, кому я помог. Кто-нибудь да приютит.

– Нет, Тарас Григорьич, вы нас опять не поняли, – объяснил Гуров. – Квартиру вашу мы на самом деле продавать не собираемся. Если все пойдет как задумано и мы поймаем бандитов и отдадим их под суд, то подготовленная ими сделка будет признана несостоявшейся, и квартира останется у вас. И только если вы захотите, продажа будет признана состоявшейся. В таком случае вы получите за свою квартиру деньги, причем немалую сумму. Насчет этого можете не беспокоиться: эта самая Настя постарается выжать из покупателей как можно больше. Ведь она действительно хороший риелтор. На этой стадии операции ваши интересы будут полностью соблюдены. Нарушить их они собираются позже – когда решат вас убить, а деньги забрать себе. Но тут должны вступить в дело уже мы. Бандитов мы задержим и отправим за решетку, а деньги останутся у вас. И вы сможете купить себе примерно такое же жилье. А может, даже лучше. Я слышал, что у вас здесь не все удобства есть. Верно? Ну вот, а теперь сможете купить квартиру со всеми удобствами.

– Все удобства – дело, конечно, хорошее, – задумчиво произнес бывший заключенный. – Но только ради них я не стал бы свою хату менять. Нет, не стал бы! И я к ней привык, и люди привыкли. Знаете, сколько ко мне народу ходит? Мой адрес всему городу известен! И потом, для людей здесь удобней, чем в многоэтажке: ни тебе кодовых замков, ни соседей настырных. Которые здесь живут, они тоже ко мне привыкли. К тому же я им кое-какую помощь оказываю, по юридической части. Так что, если бы не ваша просьба, я свою хату нипочем бы не стал продавать.

– Погодите! – вмешалась Оксана, до этого молча прислушивавшаяся к разговору. – Знаете, что надо сделать, чтобы Тарасу Григорьевичу даже размышлять не пришлось, продавать свою квартиру или не продавать? Надо, чтобы это была не продажа, а только ее видимость!

– Что вы хотите этим сказать? – с недоумением спросил Крячко.

– То, что можно устроить продажу, так сказать, понарошку. Только для вида! Эта самая «черная риелторша», Клочкова, будет думать, что вы на самом деле квартиру продаете, а это будет одна имитация. И когда Лев Иванович и Станислав Васильевич бандитов схватят, вы, Тарас Григорьевич, спокойно вернетесь на свою жилплощадь.

– Погодите, как же так? – не понял девушку Гуров. – А как же документы? Ведь при продаже квартиры оформляются новые документы, на нового владельца!

– Значит, надо сделать так, чтобы эти документы впоследствии оказались липовыми, – объяснила Оксана. – То есть чтобы регпалата была вынуждена признать сделку несостоявшейся.

– А деньги? – спросил Крячко. – Они что, тоже будут липовыми?

– Ну да! – уверенно ответила Оксана, как о чем-то всем понятном. – Ведь покупатель передает продавцу деньги не на глазах у риелтора, а в специальной комнате. Риелтору, а затем чиновникам палаты передается только расписка продавца, что он все деньги получил полностью. Тарас Григорьевич такую расписку напишет, а денег никаких не будет. Вернее, нужны несколько тысяч, чтобы расплатиться с этой Настей. Но потом мы их обратно заберем, после ее задержания.

– Я смотрю, у тебя все продумано, словно ты такие сделки каждый день совершаешь, – заметил Гуров. – И кто же будет этим «липовым покупателем»? Это ведь должен быть свой человек, которому не нужно все снова объяснять!

– Как кто? – удивилась девушка. – Я, конечно! Ведь я свою жилплощадь продаю – забыли, что ли? Значит, мне нужна другая квартира взамен дома. Вот я и куплю квартиру у Тараса Григорьевича. И продаст мне ее та же самая Настя!

– Почему же вы в этом так уверены? – спросил Крячко. – Она может вам предложить сотню других вариантов.

– Может, конечно, – согласилась Оксана. – Только я от них всех откажусь. А ей я опишу квартиру, которая мне нужна, причем она по всем показателям будет совпадать вот с этой, – и девушка обвела рукой комнату, в которой они сидели.

– А почему ты уверена, что Клочкова будет знать о продаже этой квартиры? – спросил Гуров.

– Ну как же? – всплеснула руками Оксана. – Вы ведь сами пришли к выводу, что эта фирма «Авангард» старается отслеживать все квартиры, где живут одинокие люди. А уж предложение о продаже такой квартиры тем более не пропустит.

– Что ж, все вроде сходится... – задумчиво произнес Крячко. – Кажется, предложение и правда подходящее. Как ты думаешь? – обратился он к Гурову.

– «Подходящее, подходящее...» – передразнил его Гуров. – Какое же оно подходящее, если ты без дома останешься? – обратился он к Оксане. – Ты ведь его всерьез продашь, не понарошку! И деньги получишь настоящие. А эта сделка будет липовой. И окажешься ты вовсе без жилья. Ты об этом подумала?

– Не вижу тут никакой трагедии, – пожала плечами Оксана. – Если у меня на руках будут, как вы выражаетесь, настоящие деньги, то что мне помешает купить новую квартиру? Просто я это сделаю не сразу, а после завершения нашей операции, то есть после поимки бандитов. Ничего страшного – несколько дней поживу у подруги.

Гуров и Крячко переглянулись. Ничего не оставалось, как принять предложение Оксаны.

– Ладно, будь по-твоему, – решил наконец Лев. – В таком случае давайте сядем и, не торопясь, распишем каждый шаг. Кто что делает, в какое время, как извещает нас с полковником Крячко о результатах... Операция «Подсадная утка» вступает в практическую фазу.

– Наверное, начинать буду я? – предположил Козенко. – Подать объявление о продаже квартиры, например...

– Да, объявление подать нужно, – согласился Гуров. – А потом посмотрим, как будут развиваться события. Конечно, к вам могут обратиться совсем другие риелторы, обыкновенные. Тогда придется под разными предложениями тянуть, отказывать им. Но если я правильно все понял, у этого «Авангарда» все схвачено, и вашу квартиру они ни за что не пропустят. Как только ваше объявление появится, они тут же возьмут вас на заметку. А дальше... там видно будет. Так что первый ход в этой партии делаете вы, а второй – наш противник.

Глава 9

На следующий день, едва позавтракав, друзья сели в крячковский «Форд» и покинули гостеприимный двор Оксаны. В первом же киоске Стас купил все газеты объявлений, какие имелись, нашел предложения об аренде гаражей и начал их обзванивать. Спустя несколько минут подходящий вариант был найден, причем не слишком далеко от дома Оксаны. Крячко отправился ставить машину в гараж, а Гуров подыскал себе наблюдательный пункт на углу улицы, чтобы наблюдать за домом Оксаны.

Долго ждать ему не пришлось – уже через полчаса на улицу свернула новенькая «Ауди». Машина остановилась как раз возле дома Оксаны, из нее вышла женщина, скорее даже дама. Светлые волосы обрамляли загорелое лицо – словно его обладательница только что прибыла откуда-нибудь из Хургады или Пхукета, на котором выделялись цепкие глаза. Короткое пальто золотистого цвета, явно дорогое, в тон ему сапожки. В общем, сомнений не оставалось – это была Настя Ключкова собственной персоной.

Энергично простучали по разбитому асфальту каблучки, и спустя минуту дама уже барабанила в окно. Там мелькнуло лицо Оксаны, затем скрипнула открываемая калитка, и энергичная дама скрылась из глаз. Гуров принялся ждать.

Минут через восемнадцать, как засек оперативник, снова скрипнула калитка, и Настя Ключкова вышла на улицу. Оксана ее провожала. Стоя у ворот, женщины обменялись еще несколькими фразами, после чего риелтор проследовала к машине. Заурчал мотор, «Ауди» развернулась и покатила обратно.

Дождавшись, пока машина скрылась из глаз, Гуров направился к дому. Оксана, как и было условлено, его ждала и сразу открыла калитку.

– Ну как прошли переговоры? – спросил Лев, когда они вошли в дом.

– По-деловому, – ответила Оксана. – Наша «деловая женщина» быстренько еще раз осмотрела дом, записала все данные. Потом обговорили сумму. Причем представляете – она заявила, что сможет продать дом значительно дороже, чем я рассчитывала. Я думала получить два, от силы два с половиной миллиона, а она сказала, что найдет покупателя и за три. Так что я от сотрудничества с мадам Ключковой получу большую выгоду.

– А о покупке тоже успели поговорить? – поинтересовался Гуров.

– Да, конечно. Я ей продиктовала параметры жилища Тараса Григорьевича. Не сомневаюсь, что она предложит мне его квартиру. Если он, конечно, подал объявление, как мы договаривались.

– И когда она обещала представить тебе варианты покупки?

– Представьте себе – к вечеру. Вот скорость! Вообще не женщина, а какой-то реактивный самолет. Уже сегодня к вечеру, в крайнем случае, завтра днем она обещала привести первого покупателя, и так же быстро, сегодня-завтра, найти мне подходящую квартиру. Так что буду ждать звонка от милой Насти.

– Что ж, будем ждать, – сказал Гуров. – Это такая же важная часть нашей работы, как слежки и погони. Конечно, было бы правильнее организовать прослушку ее телефона – так мы узнали бы гораздо больше и значительно быстрее. Но чего нет, того нет, придется действовать старыми, проверенными методами. Самое большее, на что мы можем рассчитывать, – это проследить за ее машиной. Возможно, она нас выведет на неизвестных нам членов банды. Например, на этого улыбчивого гражданина, который забалтывал Скобликова и накачивал его пивом, а затем привел его напрямик в руки убийц. А пока будем отдыхать.

Однако долго отдыхать Гурову не пришлось. Сначала послышался сигнал сотового телефона, который извещал, что пришла эсмэска. Гуров открыл ее и прочитал следующее сооб-

щение: «Интернет уже доступен, газеты будут завтра. Утки сидят на яйцах. С боевым приветом – Тарас».

– Ну вот, – произнес Лев, обращаясь к Оксане, – ваш знакомый Тарас Григорьевич держит слово. Он только что сообщил, что разместил сообщение о продаже своей квартиры в Интернете, а завтра оно появится в здешних газетах.

– А я вам что говорила? – откликнулась девушка. – Тарас Григорьевич – человек обязательный, на него вполне можно положиться.

Гуров был готов немного обсудить деловые качества Тараса Козенко, благо делать пока было нечего, но тут раздался стук в окно. Оксана выглянула на улицу и увидела правозащитника Александра Новикова. Это ее встревожило.

– Странно, что Александр Дмитриевич днем пришел, – сказала она, направляясь к двери. – Обычно он днем очень занят, приходит только вечером.

Спустя несколько минут юрист вошел в комнату и поздоровался с Гуровым.

– Я все дела бросил, – заявил он с порога. – Решил, что информация, которую я собрал, – чрезвычайной важности, и надо ее вам сообщить как можно быстрее.

– А что за информация? – спросил Лев.

– Помните, я обещал продолжить поиски пенсионеров, продавших свои квартиры и затем бесследно пропавших? Так вот, я вчера весь день этим занимался. Подключил одну свою знакомую – она работает в архиве городского БТИ. Это мне сильно помогло, я нашел то, что искал.

– Значит, ваше предположение оказалось правильным, и люди начали пропадать еще в прошлом году?

– Да, я нашел пропавших в прошлом году, но не только, – ответил правозащитник. – Оказалось, что и в этом году я еще не всех отыскал. На самом деле жертв больше. Впрочем, я сейчас все вам подробно изложу. – Он снял пальто, сел к столу, открыл свой объемистый старенький портфель и начал свой рассказ: – Как вы помните, при нашей первой встрече я сообщил, что в нынешнем году пропали три человека, не считая Павла Скобликова. Это были Юсуф Гилязов, Лидия Лейкина и Елена Поплавская. Я думал, что это и так много – четыре убийства за неполный год, и больше искать не собирался. Но Валентина Ильинична – это моя знакомая – меня убедила проверить их архив. И что же оказалось? Мы обнаружили еще двоих пропавших!

– Тоже пенсионеры? – спросила Оксана, которая с интересом прислушивалась к его словам.

– Да, два одиноких пожилых человека, – подтвердил Новиков. – Один, Виктор Викторович Алексеенко, жил на набережной Волги – это у нас самый престижный район, квартиры там очень дорогие. К тому же это «сталинка», потолки высоченные, комнаты просторные, хотя квартира старой планировки. В общем, жил бывший главный инженер нашего нефтеперегонного завода один в трех комнатах, не тужил и вдруг внезапно задумал эту квартиру продать. А родных у него, надо заметить, в Залежинске нет, все или в Москве, или на Украине, так что советоваться ему было не с кем. И первыми, кто узнал о том, что Алексеенко продал квартиру, были его соседи. Ну а соседи, сами понимаете, не будут проверять, жив ли их бывший сосед, или нет, и как ему живется на новом месте. В общем, когда живущая в Москве дочь главного инженера спохватилась, что от отца что-то долго нет ни писем, ни звонков, выяснилось, что пенсионер уже два месяца как числится умершим. Квартира его продана, а куда делись деньги – неизвестно...

В это время на крыльце послышались звуки шагов, дверь открылась, и в комнату вошел Стас Крячко.

– День добрый! – приветствовал он правозащитника. – У вас, я вижу, опять совещание?

– Александр Дмитриевич принес новые данные о погибших владельцах квартир, – объяснил ему Гуров. – Садись и слушай. Эти случаи надо будет проверить, выяснить, та же самая фирма работала или кто-то другой. – Затем повернулся к Новикову: – А второй случай какой?

– Второй эпизод, по совпадению, тоже связан с нефтеперегонным заводом, – ответил тот. – Только если бывший главный инженер этого завода Виктор Алексеенко жил в доме на набережной, то бывшая работница Евгения Кокошина обитала неподалеку отсюда, в Заводском районе. У нее была квартира в одном из домов, когда-то построенных заводом для своих рабочих.

– Квартира трехкомнатная? – уточнил Гуров.

– Совершенно верно, – подтвердил Новиков. – Квартира трехкомнатная, дом в хорошем состоянии, но поскольку район отдаленный, цена этого жилья была не очень высокая. Даже странно, что наши «черные риелторы» – если тут они действовали, – соблазнились такой мелочью.

– Можно предположить, что эта сделка им легко досталась, – заметил Крячко, – и не потребовалось эту вашу Кокошину уговаривать. Может, она сама на них вышла, а уж они не отказались.

– Да, такое может быть, – согласился Лев. – И тогда этот случай представляет особый интерес. Возможно, кто-то из членов банды живет в этом же доме или был как-то связан с покойной. Я правильно понял, что женщина продала квартиру, а вскоре оказалась на кладбище?

– Совершенно правильно, – кивнул Новиков. – Родственников у нее не было, ее смертью никто не интересовался, похоронили за общественный счет.

– Стало быть, вместе с теми, о которых мы уже знаем, получается в этом году шесть трупов? – спросил Крячко.

– Шесть трупов владельцев квартир, и еще Анвар, сын Юсуфа Гилязова. Причем год еще не закончился.

– И вы сказали, что нашли кого-то за прошлый год, – напомнил Гуров.

– Да, нашел. Вернее, мы с Валентиной Ильиничной вместе нашли. Еще шестеро погибших: Геннадий Салимов, Антонина Тарасова, Василий Тараканов, Владимир Белостропов, Зинаида Григорьевна и Борис Шонькин. Схема везде та же, нам уже знакомая: одинокий человек, живущий в большой квартире, внезапно принимает решение ее продать, продает, потом загадочным образом гибнет, а деньги исчезают неизвестно куда.

– И ни один случай не был расследован? – поинтересовалась Оксана.

– Нет, ни один, – покачал головой Новиков.

– Хорошо, а за более ранние годы – там какая картина? – спросил Гуров. – Хотя вы, наверное, не успели это проверить – слишком большой объем работы...

– Ошибаетесь – успел, – ответил правозащитник. – Я же сказал: меня эта история так захватила, что я все свои дела отложил. Чувствовал, не успокоюсь, пока все не выясню. Так что мы с моей знакомой перерыли также и весь позапрошлый год. Нашли лишь одно-единственное исчезновение, причем в самом конце года, в декабре. Пропала пенсионерка Елизавета Рыбкина. И когда я листал ее дело, я вдруг сообразил, почему в тот год произошло лишь одно убийство, и почему именно в декабре. Иначе и не могло быть! За более ранние месяцы можно было и не искать!

– Саша, почему ты так уверенно говоришь? – удивилась Оксана. – Разве что-то мешало этим бандитам убивать раньше?

– Да, мешало! – твердо заявил Новиков. – Только не что-то, а кто-то. Ведь до конца позапрошлого года наше областное УВД кто возглавлял?

– Кто? – переспросила Оксана, на миг задумалась, потом вспомнила: – Соболев тогда возглавлял, Андрей Васильевич!

– А ты случайно не помнишь, когда он ушел со своего поста?

– Нет, вот этого не помню, – призналась девушка.

– В октябре того года! – торжественно провозгласил Новиков. – Недавно как раз два года исполнилось с того момента.

– Так вы хотите сказать, что только после его ухода... – начал Гуров.

– Ну да, конечно! – воскликнул правозащитник. – Это он им мешал! Я думаю, сама группа «черных риелторов» сложилась раньше. Возможно, они какими-то противозаконными делами уже тогда занимались, всякие аферы квартирные проворачивали. И уже тогда, возможно, у кого-то из них возник этот замысел – убивать одиноких квартировладельцев. Но Соболев им мешал. Пока он был во главе областной милиции, они на это не решались. Но, как только он ушел, препятствие исчезло и они принялись за дело.

– Но ведь после ухода Соболева областное УВД некоторое время возглавлял его протеже, которого Андрей Васильевич считает честным человеком, – возразил Гуров.

– Ну да, сначала на этом посту был Крайнов, – согласился Новиков. – Но пробыл он там совсем недолго, всего четыре месяца. Уже в феврале прошлого года пришел приказ о его отставке, и начальником областной милиции стал Леонид Мартынович.

– То есть бандиты начали убивать уже при Крайнове, – задумчиво произнес Лев. – Значит, он им не слишком мешал...

– Да нет, я думаю, мешал, но не так сильно, как Соболев. А у них, как видно, уже терпению не было. Не могли они больше ждать! Ведь миллионы рублей, с их точки зрения, пропадали буквально зря. На пути к этим миллионам стояли лишь несколько одиноких стариков и старух. И решив воспользоваться тем, что новый начальник, Крайнов, не успел полностью войти в курс дела, взять все под контроль, они начали свой «проект»... А уже когда Мартынович смог подсадить Крайнова и сам стать начальником управления, тут уж им ничего не мешало развернуться.

– Что ж, я думаю, вы правы, – согласился Гуров. – Ход рассуждений безупречный, выводы тоже. Должен сказать, Александр Дмитриевич, что вы проделали огромную и очень нужную работу. Большое вам спасибо!

– Вы мне прямо как благодарность перед строем объявляете, – иронически заметил правозащитник. – Осталось только грамоту вручить. А я не за благодарности работаю! Просто не могу смириться с мыслью, что старики гибнут, а эти негодяи остаются безнаказанными!

– Да, я понимаю... – пробормотал Гуров, подумав при этом, что с людьми такого типа, как Новиков, всегда трудно. – А вы можете оставить мне часть ваших материалов? – попросил он. – Чтобы мы могли с ними работать?

– Я подумал об этом, – ответил Новиков, – и снял копии со всех документов. Так что оставляю вам не часть, а всю папку. Вот, берите. А я пойду, а то у меня вся моя правозащитная деятельность второй день стоит.

Когда Новиков ушел, Гуров просмотрел оставленные им материалы и сказал:

– Значит, будем действовать так. Сейчас со всех этих бумаг надо снять копии. Кажется, у вас, Оксана, есть принтер?

– Да, есть, – подтвердила девушка.

– Вот и отлично. Снимем копии, я позвоню нашему коллеге лейтенанту Строеву и назначу ему встречу. Расскажу об успехах Новикова, передам эти бумаги. Пусть проверит по милицейской базе данных, какие следственные действия проводились по этим делам. А ты, Стас, возьми себе другой экземпляр этой папки и пойдешь по всем адресам, которые здесь значатся.

– Сбирать свидетельские показания? – спросил Крячко.

– Совершенно верно. Ведь нам надо явиться в суд не с пустыми руками, и не с какими-то предположениями и гипотезами, а с правильно собранными документами.

– Слушай, я вижу, мне тут половину города надо объехать, – недовольно проговорил Стас, просматривая полученную от Новикова папку. – На общественном транспорте это будет долго и неудобно, а на такси – подозрительно. У таксиста, если его взять на весь день, могут возникнуть вопросы. Да и дорого получится. Может, я сегодня еще воспользуюсь своей машиной? Ведь пока о нас с тобой никто не знает...

Подумав немного, Гуров ответил:

– Да, сегодня, я думаю, это сделать можно. А я на встрече со Строевым постараюсь получить от него здешние номера. Без них, как видно, нам не обойтись.

Оксана быстро изготовила дубликат принесенных правозащитником документов. Гуров тем временем созвонился с лейтенантом и договорился встретиться с ним в кафе «Закуска». Затем сыщики вместе с Оксаной отправились в арендованный Крячко гараж – решили, что Стас подвезет Льва до места встречи, а девушку до работы, а уже затем отправится по адресам погибших владельцев квартир.

Гуров вернулся на «конспиративную квартиру» Оксаны раньше всех. Чтобы не терять времени, он сел за ноутбук и принялся составлять обвинительное заключение. Это была важная работа, которую он никому не мог передоверить, и Лев ушел в нее с головой.

От работы его отвлек звонок Оксаны. Девушка сообщила, что ей только что звонила Настя Ключкова, которая известила клиентку, что завтра в десять утра, как и обещала, приведет покупателя, и Оксана должна быть на месте, чтобы встретить его.

– Что ж, значит, нам со Стасом завтра с утра пораньше надо выметаться из дома, – сказал ей в ответ Гуров. – Мы так и сделаем.

Не успел он отключить телефон и снова приняться за работу, как стукнула калитка, затем отворилась дверь, и появился Крячко.

– Ну что, как прошел день? – спросил его Гуров. – Собрал что-нибудь? Или все отказываются говорить?

– Почему же все? – ответил Крячко. – Кое-кого разговорил. Успел пообщаться с соседями трех человек – этого самого бывшего главного инженера нефтеперегонного завода Алексеенко, а также Антонины Тарасовой и Елены Поплавской.

– Ты их так подобрал, потому что адреса рядом? – догадался Гуров.

– Угадал, – хмыкнул Крячко. – Слушай, давай я потом тебе все расскажу. Сначала поедем чего-нибудь, а то я голодный как волк.

– Может, Оксану дождемся? – не поддержал его Гуров. – Неудобно как-то получится.

– Ну давай что-нибудь перекусим, а потом уже будем хозяйку дожидаться, – предложил Крячко. – Иначе не дождусь, умру с голоду.

Тут Гуров вспомнил, что они с лейтенантом Строевым, встречаясь в кафе, успели перекусить, а Стас все это время оставался без куска во рту, и согласился с его предложением.

Осмотрев холодильник, сыщики обнаружили приготовленные Оксаной котлеты, после чего дружно почистили картошку и поставили ее вариться. Они уже раскладывали еду по тарелкам, когда отворилась дверь, и вошла Оксана.

– Мне нет прощения! – воскликнула девушка. – Я тут бегаю по делам, а гости голодные сидят! Сами еду готовят!

– Это нам нет прощения, – ответил на это Гуров. – За то, что тебя не дождались.

– Ничего, зато все получилось как нельзя лучше, – подвел итог Крячко. – Раздевайся и садись, а то картошка стынет.

Спустя несколько минут все дружно налегли на еду. Сначала ели молча, потом, когда перешли к чаю, Стас начал рассказывать, что ему удалось узнать за день. Он как раз заканчивал излагать содержание своих бесед с соседями Виктора Алексеенко (о бывшем главном инженере, как человеке известном, нашлось кому рассказать), когда телефон Гурова снова

издал сигнал, сообщая, что пришла эсэмэска. Сыщик открыл сообщение и прочитал следующее: «Срочно приезжайте, надо поговорить. Есть что рассказать. Тарас».

– Ваш знакомый господин Козенко просит срочно приехать, – сообщил он Оксане. – Не знаю, что это ему вздумалось... Все вроде идет по плану, ничего необычного не должно сегодня случиться... Может, Тарасу Григорьевичу просто поговорить охота?

– Нет, Тарас Григорьевич никогда не станет зря беспокоить, – твердо заявила Оксана. – Раз он пишет, что надо срочно, значит, так и есть. Если хотите, давайте я вместо вас съезжу.

– Нет, зачем же ты поедешь? – сказал Лев, поднимаясь. – Вы с полковником Крячко оставайтесь на хозяйстве, а я поеду узнаю, что там такого стряслось.

Глава 10

Гуров решил лишний раз не «светиться» с московскими номерами и не стал брать «фордик» Крячко, а вместо этого вызвал такси. Доехал он довольно быстро и спустя полчаса уже вступил на темную лестницу дома, где жил бывший узник ГУЛАГа.

Оказавшись на знакомой площадке второго этажа, он по привычке начал искать кнопку звонка, но, вспомнив, что его не существует, коротко постучал и стал ждать.

За дверью послышались шаги, и густой голос хозяина произнес:

– Ага, вот и вы, Лев Иванович. Милости просим...

Дверь распахнулась, и Гуров вошел в квартиру.

– Как это вы меня узнали по стуку? – спросил он. – Ведь я один к вам еще не приходил.

– Даже не знаю, как это у меня получается, – развел руками Козенко. – Как-то само выходит. Да сейчас это было нетрудно: ведь я вас ждал. Кстати, и чай успел заварить. Проходите, сейчас чайник принесу.

Гуров прошел в комнату и сел за стол, на котором уже стояли две чашки и блюдо с лимоном.

Спустя минуту появился хозяин с чайником в руках. Когда золотистый напиток был разлит по чашкам, Лев спросил:

– Так что у вас стряслось? Почему такая срочность?

– То самое и стряслось, – ответил Козенко. – Операция началась!

– Это в каком смысле? Что вы объявление дали, я знаю, а больше вроде ничего не должно было случиться.

– Может, и не должно, а случилось, – сказал бывший узник. – Я тоже не ждал, что сегодня что-нибудь произойдет. С утра, как обычно, отправился по делам: сначала в горадминистрацию, жалобу на энергетиков подать...

– А что, у вас свет отключают?

– Отключают, только не у меня – у старушки одной. У нее проводка старая, вся в негодность пришла. Ее заменить надо, а эти болтуны только обещают, а делать ничего не делают. Ну вот она меня и попросила за нее походатайствовать. Значит, сперва в администрацию, потом к нотариусу, оттуда в суд... В общем, домой только в третьем часу пришел. Дверь открываю, а тут соседка, Люська из восьмой квартиры, высунулась и говорит: «К тебе, Григорьич, тетка какая-то приходила. Ух и настырная! Уж она стучала, стучала! Пришлось мне выйти, сказать, что тебя нету. Тогда она на меня набросилась».

«Это в каком смысле набросилась? – спрашиваю ее. – Претензии у нее какие, что ли?»

«Нет, – говорит Люська, – не претензии. А вопросов у нее много было. Что ты за человек, да чем занимаешься, да кто к тебе ходит, да с кем живешь...»

Тут я смекнул, что это, должно быть, та самая риелторша пожаловала, из бандитов, – продолжал свой рассказ Тарас Григорьевич, – и спрашиваю соседку: «А кто, мол, эта тетка? Не риелтор случайно?» А она мне отвечает: «Нет, не риелтор. А вроде как из собеса. Или еще откуда-то, где пенсионерами занимаются. Объяснила мне, что они выявляют всех одиноких пенсионеров и ставят их на учет, чтобы о них заботиться. Так что о тебе, Григорьич, теперь заботиться будут».

Я, прямо скажем, удивился. Вы мне о риелторше говорили, а никого другого я не ждал. Что, думаю, за тетка заботливая такая? Вдруг слышу: в дверь стучат, и стук незнакомый. Открываю – стоит женщина. «Я, – говорит она, – социальный работник. Могу удостоверение показать, если не доверяете. Мы выявляем всех одиноких людей...» Ну и дальше излагает то, что я уже от Люськи слышал. Я ее в комнату не приглашал, так, в прихожей разговаривали...

– А как выглядела эта заботливая женщина? – спросил Гуров. – Случайно не загорелая такая, словно с курорта вернулась? И пальто у нее не золотистое?

– Нет, загара я у нее особого не заметил, – покачал головой Козенко. – Рост 160–165, лет 35–37, глаза карие, волосы черные, вроде натуральные, на правом ухе родинка. А так без особых примет.

– Ничего себе – «без особых примет»! – воскликнул Лев. – Вы такое описание дали – прямо как в школе милиции учат!

– Ну я там не учился, не знаю, – ответил хозяин. – А пока на зоне поживешь, да к «куму» тебя потаскают – много чему научишься. А чего вы про загар спрашивали?

– Вот эта самая Настя, которую мы считаем главным риелтором у бандитов, дама очень даже загорелая, – объяснил Гуров. – Словно только что с курорта вернулась. И одевается модно: пальто золотистого цвета, сапожки такие же...

– Нет, эта другая была, – покачал головой Козенко. – Кто же это мог ко мне пожаловать?

– Кажется, я знаю, кто была эта посетительница. Есть у них одна женщина, Наташей ее зовут. Она и в самом деле социальный работник. Обслуживает одиноких людей, продукты им носит, врачей вызывает. Только работает она в другом районе.

– А что же она у меня забыла? – удивился Козенко.

– А вот то самое и забыла, – объяснил Гуров. – То, что ей главарь банды поручил – узнать, как вы живете, нет ли родственников. Ведь большую часть своей зарплаты она, как видно, не на работе получает, а за услуги, оказанные бандитам.

– Тогда понятно! – воскликнул Тарас Григорьевич. – Понятно, зачем она и к другим соседям заходила!

– А она еще к кому-то обращалась?

– Ну да! Это мне уже позже Васильич с первого этажа рассказал. Эта самая Наташа и к ним заглядывала, интересовалась тем же самым: один ли я живу, и кто ходит, и есть ли родственники.

– Значит, бандиты всерьез за все взялись, – заключил Гуров. – Так что вывод вы правильный сделали: операция и в самом деле началась. Теперь вам надо ждать визита главной дамы – Насти Ключковой.

– Так я ее вроде не приглашал. А разве риелтор может сам свои услуги предлагать?

– Почему не может? Скажет, что прочла ваше объявление, что у нее есть подходящие варианты... Это дама бойкая, найдет что сказать.

– И когда же мне ее ждать? – поинтересовался Козенко.

– Думаю, что она вам позвонит завтра ближе к обеду... – начал Гуров, но не успел закончить, потому что неожиданно раздался стук в дверь. Стук был резкий, требовательный. – Поздно к вам гости ходят, – заметил он. – Что, какие-нибудь жалобщики?

– Не знаю, – с сомнением покачал головой Козенко. – Это кто-то незнакомый стучит. Похоже, женщина. Ладно, пойду, открою.

– Погодите-ка, – остановил его Лев. – Эти окна у вас куда выходят – на улицу?

– Ну да, – кивнул хозяин.

Гуров шагнул к окну и выглянул наружу. Хотя на улице было темно, одинокий фонарь горел лишь где-то вдалеке, этого света хватило, чтобы он разглядел дорогую иномарку, стоящую прямо у дверей дома.

– Кажется, я знаю, кто к вам пожаловал, это та самая Настя Ключкова. Не стала она ждать завтрашнего дня. Да, и правда бойкая женщина! Однако как нам быть? Я бы не хотел до поры до времени с ней встречаться. Пусть лучше она пока обо мне не знает. Можно тут у вас куда-то спрятаться?

– Можно! – кивнул Козенко. – Ну-ка, пошли тихонько...

Они вместе вышли из комнаты и направились в кухню, в углу которой была узкая дверца. Тарас Григорьевич открыл ее, и обнаружилось крохотное помещение, заставленное сломанными стульями, досками, прочей рухлядью.

– Как, поместитесь в этом чуланчике? – спросил он.

– Думаю, помещусь, – ответил Гуров. – Только не забудьте этой Насте сказать, что чулан не открывается – например, забит. А то она с ее характером и сюда нос сунет.

– Разве? – усомнился Козенко. – Ладно, тогда я замок прилажу. Скажу, что заперто, а ключ – не помню где.

Гуров забрался в чулан, немного повозился, устраиваясь поудобнее. Хозяин тем временем закрыл дверь, загремел замком. И все эти действия сопровождались непрекращающимся стуком в дверь. Как видно, риелтор Клочкова была готова стучать хоть до утра.

– Иду, иду! – услышал Гуров доносившийся из коридора голос хозяина. Вскоре раздались шаги и голоса двух человек. Козенко провел гостью в комнату, и Гуров не мог разобрать, о чем они там говорили. Но затем голоса приблизились. Как видно, риелтор пошла осматривать квартиру.

– Так, вижу, – говорила риелторша. – Тут у нас кухня. Пол – дерево, проводка старая, плита... ну, плита тоже... А тут что?

– Здесь у меня чулан, – отвечал Козенко.

– А покажите, – потребовала Клочкова.

– Зачем? – искренне удивился хозяин. – Чулан и чулан. Старье всякое лежит.

– Это для вас он чулан, – объяснила риелтор. – А новые хозяева там, может, комнату сделают. Для ребенка. Или для старушки какой. Мне все надо видеть. Это в ваших же интересах.

– Да я не против, – пробасил Козенко. – Только я, как последний раз рухлядь туда убирал, взял его и запер. Вон, видите – замок. А где ключ лежит, я сейчас и не упомяну.

– Что ж вы так, Тарас Григорьевич! – попеняла ему Клочкова. – Это же дополнительная площадь! Ценность квартиры повышается! Скажите хоть, какая там площадь в этом чулане.

– Площадь... – задумчиво произнес Козенко. – В ширину там метра полтора. А в длину побольше: метра два – два с половиной.

– То есть около четырех метров площади, – заключила Клочкова. – Вполне можно использовать. Так что давайте договоримся: в следующий раз, когда я приду уже с покупателем, ключ надо найти. Вы меня поняли? Я действую исключительно в ваших интересах!

– Хорошо, я понял, – смиренно произнес хозяин. – А как насчет вариантов обмена?

– Не обмена, а покупки, – ответила риелторша. – Как вы не привыкнете, что понятие «обмен» устарело! Вашу будущую квартиру я буду искать. Думаю, дня через два предложу первые несколько вариантов. Хорошо, тут я все увидела. Давайте пойдем, посмотрим еще санузел.

Голоса удалились. Через какое-то время хлопнула дверь, и Гуров услышал шаги хозяина. Звякнул снимаемый замок, дверь открылась.

– Ну что, познакомились? – спросил Лев, выбираясь из чулана.

– Да уж, познакомился, – покачал головой Тарас Григорьевич. – Ну и женщина! Не женщина, а прямо станковый пулемет! Откуда только такие берутся? Раньше вроде у нас такие не водились...

– Почему же не водились? – не согласился Гуров. – Разве не помните: «Есть женщины в русских селеньях... Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...»

– Ну нет, это не про нее! – решительно возразил хозяин. – Коня она, может, и остановит, если его с выгодой продать можно, а вот в избу входить не будет ни при какой погоде.

– Да, пожалуй, – кивнул Гуров. – И о чем вы с этой энергичной дамой договорились?

– Да вы сами почти все слышали, – ответил Козенко. – Уже завтра обещала покупателя на мою хату привести, а дня через два предложить новое жилье. Сказала, что дом у меня старый, ветхий, и это сильно снижает стоимость. Но, с другой стороны, район хороший. Оказывается,

здесь в ближайшее время хотят все сносить и строить элитное жилье. Так что за мою квартиру можно выручить приличную сумму. Но тут, она говорит, важен каждый метр, поэтому так за этот чулан уцепилась. А еще похвалила, что ванная большая.

– И что она вам за ваш ветхий дом обещала?

– Можно купить однокомнатную в неплохом районе или даже двухкомнатную в Заводском.

– Вот видите, – сказал Гуров. – Не женщина, а просто благодетель какой-то. Так что вы от нашей операции «Подсадная утка» еще и выиграете.

– Что ж, может, и выиграю, – кивнул хозяин. – Если, конечно, в живых останусь. И в связи с последним моментом у меня возникло одно соображение. Хочу поделиться.

– Хорошо, давайте поделитесь, – кивнул Лев.

– Нет, тут разговор серьезный, просто так его вести нельзя, – покачал головой Тарас Григорьевич. – Пойдемте в комнату, еще чаю нальем, тогда скажу.

Они вернулись в комнату, сели за стол. Козенко разлил по чашкам остатки чая, сделал большой глоток и произнес:

– Я вот какой вопрос предлагаю обсудить. Как они меня убивать будут?

Гуров, вслед за хозяином тоже поднесший чашку ко рту, едва не поперхнулся чаем.

– То есть, что значит, «как»? – спросил он, справившись с изумлением.

– То и значит. Вы мне, когда с Оксаной вместе были, рассказывали, как они убивали прежних квартировладельцев. Одного на рельсы положили, другого в канаве утопили, третий угарным газом отравился. . . И каждый раз все выглядит довольно правдоподобно, поэтому дело не возбуждают. Вот я задумался: какой способ они ко мне применяют?

– Зачем вам об этом думать, не понимаю?

– Как зачем? – удивился Козенко. – Хочу подготовиться. Если буду знать, что они задумали, заранее пойму: вот оно, сейчас «мочить» станут.

– Тарас Григорьевич, вы нас, наверное, неправильно поняли в прошлый раз, – принялся объяснять Гуров. – Мы не собираемся доводить дело до того, чтобы вам угрожала реальная опасность. Мы с полковником Крячко и лейтенантом Строевым обязательно будем находиться где-то рядом и, как только возникнет угроза, сразу придем вам на помощь. И задержим бандитов с поличным.

– Вы даже не замечаете, что сами себе противоречите. Как же вы задержите бандитов с поличным, если опасность не будет реальной? Тогда никаких улик против них не найдете. В крайнем случае, сможете им припаять только незаконное хранение оружия. Да и то, скорее всего, холодного. А это еще доказать надо, что нож у него в кармане – это оружие. Нет, чтобы что-то доказать, опасность должна быть совершенно реальной. Вот я думаю: какая именно опасность будет в моем случае? Я как рассуждаю? Я – человек довольно крупный, по комплекции вот вроде вас, так что схватить меня за шиворот и засунуть в канаву с водой вряд ли получится. На рельсы положить тоже трудно – сопротивляться буду. А драться я умею, жизнь научила. Значит, остается или угарный газ, или электроток. Ну, в крайнем случае, ДТП со смертельным исходом. Логично я рассуждаю?

– Рассуждаете вы, может, и логично, – ответил ему Гуров, – но все равно совершенно неправильно. Конечно, получить улики против бандитов для нас важно. Но главное при этом – не подвергать вас опасности. Когда дойдет до дела, и мы будем составлять план операции, мы эту возможность постараемся совершенно исключить.

– У вас будет своя операция, а у них своя, – заметил на это Козенко. – И ваш план с их планом могут не сойтись. Ладно, я вас понял. Продолжаем действовать как договорились?

– Да, менять пока ничего не надо, – ответил Гуров. – Когда они подберут покупателя на вашу квартиру и будет назначена дата сделки, сразу дайте нам знать.

– А если они предложат мне подписать генеральную доверенность на эту «однушку», которую я буду покупать, тогда что делать? Подписывать или нет?

– Сразу ни в коем случае не подписывайте. Постарайтесь это решение отложить, скажите, что подумать надо. После этого сообщите нам, и я или полковник Крячко привезем вам диктофон. На следующую встречу пойдете уже с диктофоном и все переговоры запишете. А там решим, надо эту доверенность подписывать или нет.

– Ладно, вас понял, – кивнул Козенко. – Значит, будем действовать по плану.

Глава 11

Следующий день не должен был принести никаких неожиданностей. Гуров и Крячко планировали с утра отправиться по адресам погибших владельцев квартир, найденных Новиковым, чтобы собирать показания для будущего уголовного дела. Оксана хотела заняться своими журналистскими делами.

Согласно этому плану они все трое сразу после завтрака расстались: каждый направился по своему адресу. Однако не прошло и часа (Гуров как раз беседовал с людьми, купившими квартиру погибшего пенсионера Белоостропова), как на его телефон пришло сообщение от Оксаны. Девушка извещала, что ей позвонила Настя Ключкова и предложила в качестве покупаемого жилья квартиру Тараса Козенко. «Я согласилась», – без каких-либо комментариев приписала она.

Поскольку такой вариант предусматривался и сама Оксана его и предложила, Гуров не стал тревожиться. Однако какое-то нехорошее предчувствие его не покидало, как будто что-то в этот день должно было пойти не так. Поэтому, беседуя с разными людьми, записывая их показания, он все время прислушивался к телефону – не зазвонит ли.

И телефон действительно зазвонил! Это произошло, когда миновало время обеда и день начал клониться к вечеру. Взглянув на телефон, Гуров увидел, что звонит правозащитник Новиков. Этот человек не мог беспокоить по пустякам, поэтому он немедленно прервал разговор с очередным собеседником и уже собрался нажать кнопку соединения, как телефон внезапно замолчал, словно собеседник передумал разговаривать. Это было странно, и, немного поколебавшись, Лев сам набрал номер правозащитника. Последовали длинные гудки – один, второй, третий, десятый... Он уже собирался отменить вызов, когда аппарат вдруг откликнулся.

– Да? – произнес невидимый собеседник.

Но это не был голос Новикова – Гуров мог за это ручаться!

– Кто говорит? – спросил он.

– Как – кто? – ответили ему. – Александр, кто же. А ты кто?

– Может, ты и Александр, но точно не Новиков, – ответил Лев неизвестному. – А это его телефон. Передай ему трубку, будь любезен.

– Ага, сейчас, – отозвался незнакомый голос, после чего телефон отключился.

Гуров попробовал сам вызвать правозащитника, но механический голос сообщил ему, что «телефон абонента отключен либо недоступен». Все это сыщику очень не понравилось. Немного подумав, он решил пренебречь правилами конспирации и позвонить лейтенанту Строеву.

Убедившись, что лейтенант в данный момент может говорить, Гуров сообщил ему о странной истории со звонками и попросил:

– Ты мне скажи телефон его офиса, я туда позвоню, может, его сотрудники чего скажут. А ты посмотри по сводкам, нет ли случайно чего-нибудь.

– Вас понял, – сказал Строев. – Если что узнаю, сразу дам знать.

После этого Гуров позвонил в офис Новикова. Ему ответила девушка с очень строгим голосом и сказала, что Александр Дмитриевич ушел по делам.

– Куда, он нам не сообщил, – добавила она. – Сказал только, что до обеда его не будет. Так что мы его сейчас ждем.

Тут в памяти Гурова вовремя всплыло имя женщины, сотрудницы архива городского БТИ, которая помогала Новикову.

– А вы мне телефончик Валентины Ильиничны не напомните? – спросил он строгую девушку. – А то мне его Александр Дмитриевич говорил, а я его в книжку не записал.

– Вообще-то мы справок не даем... – заявила девушка.

– Речь идет о весьма важном деле, которым мы с Александром Дмитриевичем занимаемся, – напирал Гуров. – Медлить нельзя!

Как видно, слова сыщика произвели нужное впечатление.

– Хорошо, записывайте, – произнесла правозащитная сотрудница и продиктовала телефон загадочной знакомой Новикова.

Полный самых нехороших предчувствий, Гуров набрал номер. Он был готов к тому, что телефон Валентины Ильиничны будет заблокирован так же, как и телефон самого Новикова, или что ему ответит тот же грубый голос. Однако, вопреки ожиданиям, сотрудница архива оказалась на месте. Понимая, что Новиков, скорее всего, просил женщину держать их совместные поиски в тайне, и, стало быть, она ему ничего не расскажет, сыщик счел нужным представиться.

– Вы меня не знаете, – сказал он Валентине Ильиничне, – но, вероятно, слышали обо мне от Александра Дмитриевича. Я прибыл из Москвы по очень важному делу. Тому самому, в котором вы ему помогаете. Скажите, он еще у вас?

– Я вас поняла, – ответила женщина. – Да, Александр Дмитриевич здесь был, мы вместе работали. Но он уже ушел.

– А давно ушел? – спросил Лев.

– Где-то минут сорок назад.

– А вам после этого никто не звонил с его телефона?

– Да, был какой-то странный звонок, – подтвердила Валентина Ильинична. – Я решила, что Александр Дмитриевич что-то забыл – он, когда задумается, часто что-нибудь забывает, – и спросила шутливо: «Ну что вы забыли на этот раз?» А мне в ответ говорят: «Только ваше имя и место работы».

– И что вы ответили?

– Я сказала: «Да, Александр Дмитриевич, если вы уже успели забыть, как меня зовут, то дела ваши совсем плохи. Надо вам приобрести эти таблетки, которые по телевизору рекламируют, для укрепления памяти. А пока вы их не купили, так и быть, напомню, что меня зовут Валентина Ильинична, что я работаю в архиве БТИ, и что мы с вами всего двадцать минут как расстались». И только потом – только потом, представляете? – я сообразила, что голос-то был не Александра Дмитриевича! И спросила: «Простите, а вы кто?» А мне ответили так, знаете, грубо, с матом, и телефон выключили.

– Я вас понял, – сказал женщине Гуров. – Послушайте меня, пожалуйста, и отнеситесь к моим словам внимательно. Я вас прошу в течение ближайшего часа не выходить из здания БТИ. Кто бы вам ни звонил и что бы ни говорил. Вы сами знаете, какими вопросами занимался Александр Дмитриевич, так что дело очень серьезное. Речь может идти о вашей жизни. Вы меня поняли?

– Да, я поняла, – дрогнувшим голосом ответила Валентина Ильинична.

После этого Лев позвонил Стасу Крячко и спросил, чем тот в данный момент занимается.

– Только что закончил один адрес и направляюсь на другой, в Советский район. А что?

– Придется тебе изменить маршрут, – заявил Гуров. – Насколько я помню, их БТИ находится где-то в центре города.

– Возможно, – согласился Стас и снова спросил: – А что?

– А то, что слезай со своего автобуса и езжай туда, в центр, – приказал Гуров. – Найдешь БТИ, в нем отыщешь архив. Там работает женщина, которую зовут Валентина Ильинична. Фамилии ее я не знаю, не спросил. Знакомиться с ней тебе не нужно, и вообще «светиться» не нужно. А надо организовать ее охрану.

– Понял тебя. А что случилось? Или ты по телефону не хочешь говорить?

– Ладно, к черту конспирацию! – решил Лев. – Кажется, наши противники ее все равно разгадали. Случилось вот что...

И он кратко рассказал другу о странном звонке с телефона Новикова и о своем разговоре с Валентиной Ильиничной. А под конец добавил:

– Похоже, что наши «друзья», любители пенсионеров, узнали о том, чем занимается Новиков, и организовали на него нападение. Во всяком случае, завладели его телефоном и теперь прозванивают всех абонентов, уточняют, что это за люди. Мой телефон у них точно есть, а твоего нет. И еще они знают, что Валентина Ильинична была главной помощницей Новикова в его поисках и, скорее всего, многое знает. Поэтому ей угрожает опасность.

– Понял тебя, можешь дальше не объяснять, – ответил Крячко. – Все организую как надо. Только, по-моему, мне все равно надо будет с ней познакомиться, хотя бы для того, чтобы дать нужные инструкции. Ведь ты сам понимаешь, что я в одиночку не смогу обеспечить ее круглосуточной охраной.

– Да, не сможешь, – согласился Лев. – Ладно, поступай как сочтешь нужным. Я тебе с этого телефона постараюсь больше не звонить. Найду другой способ держать связь.

Теперь самое время было позвонить лейтенанту Строеву, узнать о результатах его поисков. Однако делать этого Гурову не пришлось: лейтенант позвонил сам.

– Я узнал, что случилось с Новиковым, – сообщил он. – Около часа назад он был доставлен во вторую городскую больницу.

– Живой? – нервно перебил его Гуров. Это было сейчас главное.

– Живой, – успокоил его Строев. – У него черепно-мозговая травма, сломана правая рука и несколько ребер. Сейчас ему делают операцию в нейрохирургии – как мне объяснили, это повреждение самое опасное. Потом будут оперировать руку и ребра.

– Понятно... А кто его нашел? Кто вызвал врачей?

– «Скорую» вызвала какая-то женщина, – объяснил лейтенант. – Она заметила, что в проходе между домами лежит человек. Наверное, его многие там видели, но думали, что пьяный, и проходили мимо. Вы же знаете, как это бывает. А эта женщина подошла, увидела кровь и вызвала «Скорую» и полицию.

– Скажи, а ты сам как думаешь: его хотели убить, но не смогли, или им надо было только его покалечить? Нам это важно понять, чтобы знать – будут ли они стремиться добить его уже в больнице.

– По всему, что я слышал об этом деле, у меня сложилось впечатление, что эти люди зря на «мокрое» дело не идут, – подумав, ответил лейтенант. – Если бы Новикова хотели убить – убили бы. Мне кажется, они только хотели вывести его из строя, запугать, чтобы он больше не интересовался пропавшими пенсионерами. Ну и документы похитить. Ведь портфеля при нем не нашли – я специально узнавал.

– Согласен, – проговорил Лев. – Могу добавить, что у преступников была еще одна цель – телефон Новикова. Они стремятся выявить все его связи. И, думаю, мой номер они уже взяли на заметку. Поэтому я с него больше звонить не буду. Но раз уж мы с тобой разговариваем, и ты у меня последняя связь, попрошу об одной услуге. Извести о нападении на Новикова твоего бывшего начальника Соболева, а еще Оксану. И попроси ее, чтобы подъехала к этой больнице, куда положили Новикова. А заодно объясни мне, где она находится и как туда ехать.

– Будет сделано! – по-военному четко ответил лейтенант. – Больница находится на улице...

Следуя указаниям лейтенанта Строева, Гуров добрался до больницы, куда положили правозащитника, и нашел отделение нейрохирургии. После этого он пристроился неподалеку от входа и стал наблюдать. Он не только ждал Оксану, сыщика интересовало, не находится ли здание еще под чьим-то наблюдением. Одна машина, стоявшая поблизости, показалась ему подозрительной, и он, будто невзначай, заглянул в нее. Однако машина оказалась пустой.

Спустя некоторое время появилась Оксана. Лев не стал к ней подходить, а проследил, как девушка вошла внутрь. Его интересовало, нет ли за ней слежки. Однако «хвоста» не было,

и тогда он тоже вошел внутрь и стал свидетелем бурной сцены возле поста охраны. Вахтер отказывался пустить Оксану, утверждая, что в нейрохирургическое отделение доступ посетителей запрещен – пускают только очень немногих, по списку, утвержденному главным врачом. Гуров был уверен, что Оксане придется идти обратно, и тогда они смогут поговорить – для этого, собственно, он и попросил ее подъехать к больнице.

Однако он недооценил ее настойчивость. Девушка извлекла и показала охраннику сначала журналистское удостоверение, а затем еще какой-то пропуск внушительного вида. Охранник дрогнул и отступил с передового рубежа, позволив посетительнице войти за охраняемую им дверь. Спор продолжился уже за дверью. После чего, как понял Гуров, наблюдавший за сценой снаружи и поэтому ничего не слышавший, была вызвана подмога в лице дежурного врача. Оксана вновь показала свои бумаги, и после некоторых препирательств ее все же повели куда-то наверх.

«Ну и девушка! – подумал Лев. – Можно только поаплодировать. Кажется, у них с этой Настей есть кое-что общее. Но только употребляют они это общее для разных целей...»

Он пристроился в углу вестибюля и продолжал вести наблюдение. Гуров имел большой опыт как по организации слежки, так и по выявлению «топтунов» – тех, кто слежку осуществляет. До сих пор еще никому не удавалось его провести. Пока он не замечал никаких признаков того, что за входом в нейрохирургию кто-то следит, кроме него самого.

Ждать Оксану пришлось довольно долго. Наконец девушка вышла, и, увидев ее лицо, Гуров поразился произошедшей перемене: казалось, девушка готова кого-то растерзать или застрелить на месте.

Он проследовал за ней на улицу, еще раз убедился, что слежки за ними не ведется, и лишь тогда нагнал девушку и спросил:

– Ну как дела у Александра Дмитриевича?

Круто развернувшись, Оксана с недоверием уставилась на сыщика и не слишком любезным тоном произнесла:

– Откуда вы здесь взялись?

– Я давно здесь нахожусь, – объяснил Гуров. – Смотрел, нет ли за вами слежки, а также, не следит ли кто-то за входом в больницу. Убедился, что никого нет. Так все-таки, что с ним? Как он себя чувствует?

– Как чувствует, не знаю, он пока без сознания, – ответила Оксана. – Когда я пришла, ему как раз закончили делать операцию. Говорила с хирургом. Вроде опасности для жизни нет, основные функции тоже в норме. Правда, что-то его беспокоило, но он мне не сказал, что именно.

– Я очень рад это слышать, а то, увидев тебя, когда ты выходила из больницы, подумал, что дело совсем плохо. У тебя был такой вид...

– У меня был такой вид, потому что я их всех убить готова, – хмуро проговорила девушка. – Саша, он ведь хотя и колючий, и даже неприятным бывает, но ведь он мухи не обидит! И скольким людям он помог! А эти сволочи... Знаете, я до этого как-то отстраненно всю эту историю воспринимала, как что-то, ко мне не относящееся. Да, людей убивали, грабили, но это все было далеко. А теперь... Теперь это мое личное дело!

– Понимаю, – кивнул Лев. – И в связи с этим нашим общим делом, у меня будет к тебе еще одна просьба.

– Давайте говорите, я все сделаю, – сказала девушка.

– Нападавшие завладели телефоном Новикова и проверили все записанные на нем номера, – объяснил Гуров. – Теперь они знают в числе прочих и мой номер. И боюсь, он вызвал у них подозрения, так что пользоваться им больше нельзя. Сегодня я сделал несколько звонков, потому что надеялся, что к этому времени они еще не успели поставить мой телефон на

прослушку, но больше звонить не буду. Поэтому и тебе не звонил. Мне надо купить новую сим-карту.

– Понятно, – ответила Оксана. – Сейчас зайду в первый же салон и куплю.

Спустя некоторое время им на пути попался салон одной из компаний, и Оксана приобрела для Гурова новую карту. Он записал со старой карты несколько самых нужных телефонов, а затем выбросил устройство и вставил новую «симку».

– Ну вот, можно снова звонить. Теперь мы можем разделиться. Ты сейчас куда?

– Домой, наверное, поеду, – сказала Оксана. – Ведь я фрилансер, мое рабочее место – дома. Надо к завтрашнему утру один текст написать.

– Вот и хорошо. Давай езжай домой, а я проведу Стаса на его боевом посту.

Лев позвонил Крячко и спросил, где тот находится.

– Дежурю возле дома Валентины Ильиничны, – ответил сыщик. – Это в центре, на улице Астраханской, дом 3б. А что это за номер, с которого ты звонишь?

– Я новой «симкой» обзавелся, – объяснил Гуров, – так что пока звонить можно. А что ты там дежуришь? Все равно ведь всю ночь не просидишь. Ты ей ситуацию описал?

– Конечно, во всех подробностях. Женщина она вполне разумная, сразу поняла что к чему, поэтому никаких опрометчивых поступков не совершит. Мы с ней вместе в магазин сходили, она все купила, и до утра из дома выходить не будет.

– Так зачем тогда ты там сидишь? – удивился Лев.

– Видишь ли, пока мы в магазин ходили, я тут заметил одного мужичка, – сказал Крячко. – Он за Валентиной Ильиничной прямо по пятам шел, а потом в самом глухом месте за гаражом спрятался. Ну я женщину в магазине оставил – решил, что колбасу она и без меня купит, – а сам наведалься к тому гаражу...

– Что, потолковал с этим «топтуном»?

– Нет, разговаривать я с ним не стал и вообще решил не представляться, так что он меня не видел. Сейчас лежит там, за гаражом, в отключке. И вот я не знаю, что с ним дальше делать: то ли так оставить, то ли куда сдать. Поэтому и не ухожу.

– Я тебя понял, – ответил ему Гуров. – Пока оставайся на месте, я постараюсь решить этот вопрос, – и снова набрал номер Строева.

Лейтенант откликнулся не сразу, а лишь со второй попытки.

– Извините, что сразу не ответил, – сказал он, взяв наконец трубку. – Не мог говорить. Что у вас нового? Как дела?

– У нас все нормально, – ответил Гуров. – И даже лучше, чем можно было ждать. Но возникла одна проблема. Тут мой товарищ задержал одного фигуранта по квартирному делу и теперь не знает, что с ним делать. Можно ли его куда-нибудь пристроить?

– Так-так-так... – пробормотал Строев. – Скажите, а какое-то обвинение этому вашему фигуранту можно предъявить? Чтобы написать в протоколе, за что его, собственно, задержали?

Гуров, как и лейтенант, понимал, что сейчас они не могут привезти куда-нибудь в СИЗО человека, обвинив его в том, что он является киллером в банде, убивающей пенсионеров. Это означало бы бросить открытый вызов этой банде, имеющей такого покровителя, как начальник областного УВД.

– Ну что, – сказал он после некоторого размышления, – я полагаю, мы всегда можем обвинить его, скажем, в ношении холодного оружия, а также в нецензурной брани в общественном месте, распитии спиртных напитков...

– А в нападении на кого-нибудь обвинить нельзя? – спросил Строев. – Или угрозах убийства?

– Думаю, нет, – ответил Лев.

– Тогда, скорее всего, речь идет о задержании за нарушение общественного порядка, – заключил Строев. – Я знаю одного начальника ИВС, он нормальный парень. Я его попрошу, и он этого задержанного примет.

– Вот и хорошо. Тогда подъезжай на Астраханскую, к 36-му дому. Ты на полицейской машине приедешь или на своей?

– До своей мне еще добраться надо, – объяснил лейтенант, – поеду на дежурной машине.

– Значит, с водителем?

– Да, водитель там будет.

– Тогда надо устроить так, чтобы он нас с Крячко не видел. Скажешь, что ребята мужика задержали. А что за ребята – не его дело. И ты не очень спеши – мне еще надо успеть туда добраться, на этого задержанного самому посмотреть.

– Понял. Выеду через пятнадцать минут.

Закончив разговор с лейтенантом, Гуров позвонил Крячко и сообщил, что скоро подъедет он сам, а затем полицейская машина.

– Это хорошо, – обрадовался Крячко. – А то этот задержанный очнулся, орет, как раненый слон, требует немедленно освободить его из бандитских лап. Угрожает засадить меня в тюрьму на много лет за нападение на мирного гражданина и лишение его свободы.

– А ты этого «мирного гражданина» не обыскивал? – спросил Гуров.

– Нет, – признался Крячко. – Так, по карманам похлопал, а нормально не обыскал.

– Ладно, жди. Я сейчас выезжаю, а потом и полицейская машина прибудет.

И Лев вызвал такси. Ему повезло – машина, как видно, находилась неподалеку и подъехала буквально через несколько минут. А еще через двадцать минут Гуров уже стоял возле дома на улице Астраханской. Обойдя вокруг, он обнаружил проход между гаражами, уводящий коротким путем на поперечную улицу. Искать Крячко с задержанным не потребовалось: в ночном воздухе были хорошо слышны крики человека, требовавшего прибытия полиции и своего освобождения. Гуров понял, что Крячко находится действительно в опасном положении: эти возгласы мог услышать кто-нибудь из прохожих и вызвать-таки полицию, что в планы сыщиков не входило.

– Кто тут полицию зовет? – громко сказал он, огибая гараж, и тут же увидел Крячко, а у его ног – лежащего на земле человека со связанными руками. – А, это вы, старший лейтенант! – обратился он к Крячко. – Кого задержали?

– Да вот, гражданин хулиганил, порядок нарушал, – ответил Крячко, быстро поняв замысел друга.

– Матерился в публичном месте, наверное? – предположил Гуров.

– Да, и еще как! – подтвердил «старший лейтенант».

– Что ж, сейчас вызовем машину и заберем. – Гуров достал телефон и сделал вид, что просит прислать дежурный экипаж.

Человек на земле с удивлением слушал этот диалог, даже кричать перестал. Но, когда Гуров закончил говорить по телефону, возмутился:

– Это почему меня забирать собираются? За что? Я тут шел себе тихо, ничего не нарушал, а тут этот сзади накиннулся, саданул меня по голове, травму причинил...

– А ну, тихо! – прикрикнул на него Гуров. – Давай поднимайся! Сейчас мы тебя развяжем – полиция веревками не пользуется, у нас наручники есть...

Задержанный поднялся с земли. Это был мужчина среднего роста, значительно ниже Льва, но крепко сложенный, с накачанной мускулатурой.

Гуров освободил руки задержанного от пут (которые оказались не веревкой, а галстуком Крячко) и начал его тщательно обыскивать. В карманах ничего криминального не оказалось. Однако еще в одном, потайном кармане на поясе он обнаружил кастет.

– А это что? – сунув кастет под нос задержанного, спросил Лев.

– Понятия не имею! – развязно ответил тот. – Это, наверное, он мне подбросил.

– Ладно, в отделении разберемся! А где документы?

– Его документы у меня, – сообщил Крячко. – Вот, смотри. – И показал Гурову служебное удостоверение, выданное на имя сотрудника ЧОПа «Защита» Руслана Дегтярева.

– Вот и я говорю, надо разобраться, – согласился задержанный чоповец. Гуров отметил, что он совсем не выглядел испуганным. Даже обнаружение кастета его не смутило. – А вы из какого отделения? И где ваша машина? Что-то я ее не вижу...

– Будет тебе машина, – пообещал Гуров, искренне надеясь, что лейтенант Строев не подведет и появится вовремя.

Лейтенант действительно не подвел. Между домами блеснули фары, и «семерка» с синей полосой на борту развернулась прямо перед гаражами.

– А ну, пошел вперед! – приказал Гуров задержанному.

Тот послушно зашагал к машине, от которой к ним уже спешил Строев. Передача задержанного с рук на руки произошла между гаражами. Гуров отдал лейтенанту кастет и удостоверение, кратко описал обстоятельства, при которых произошло задержание. При этом он не стал упоминать слежку за Валентиной Ильиничной, а больше упирал на нецензурную брань и сопротивление сотруднику полиции. Задержанный чоповец начал было бурно возражать, но Строев уже надел на него наручники и повел к машине.

Гуров проводил его взглядом, дождался, пока машина отъедет, затем повернулся к другу и шутливо произнес:

– Ну что, товарищ Крячко, поздравляю вас с успешным задержанием опасного хулигана.

– Рад стараться! – ответил Крячко. – И что мы теперь будем делать? Будем и дальше сторожить квартиру Валентины Ильиничны?

– Нет, не будем, – покачал головой Гуров. – У нас с тобой нет для этого ни времени, ни сил. А главное – думаю, что женщине в ближайшие дни ничто не угрожает. Да, бандиты собирались с ней расправиться – наверное, так же, как с Новиковым, но потерпели неудачу. Думаю, уже завтра они узнают о том, что произошло. Эта информация заставит их задуматься, и им будет не до Валентины Ильиничны.

– Тогда поехали домой, к Оксане, – сказал Крячко. – А то я, пока этого бандюгу сторожил, проголодался как волк и продрог как собака.

Друзья вышли на перекресток, и Гуров вызвал по телефону такси.

– А вообще, кроме шуток, нам можно поздравить себя с удачей. Первый участник банды задержан! – стоя в ожидании такси, заметил Стас.

– А я думаю, что нам рано себя поздравлять, – ответил ему Гуров. – События развиваются совсем не так, как я планировал. Ситуация неоднозначная. С одной стороны – да, мы задержали бандита. Но предъявить ему обвинение пока не можем. А с другой стороны – они узнали о поисках, которые ведет Новиков, напали на него, причинили тяжелые увечья. Мало того, они заподозрили, что Новиков был с кем-то связан. Они не знают, кто мы, но догадываются о нашем существовании. Так что у нас сейчас, можно сказать, ситуация встречного боя. Каждый проводит свою операцию. Кто кого опередит? Вот что важно.

Глава 12

Спустя полчаса друзья добрались до дома Оксаны. Девушка взглянула на продрогшего до синевы Крячко и, не говоря ни слова, отправилась на кухню готовить ужин. Вскоре на столе дымилась сковородка с жареным мясом и картошкой.

– Слушай, Иваныч! – попросил Крячко. – По случаю успешного задержания бандита, может, нарушим сухой закон? Я чувствую, мне просто необходимо!

– Ладно, по сто грамм можно, – согласился Гуров. – И не столько по случаю задержания – тут, я полагаю, особо радоваться нечему, – а скорее для поддержания твоего пошатнувшегося здоровья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.